

Светлана
АЛЕШИНА

Дешевле только
ДАРОМ

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Папарацци

Светлана Алешина

Дешевле только даром (сборник)

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Дешевле только даром (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2001 — (Папарацци)

Охотятся обычно за политиками, бизнесменами, криминальными авторитетами. Татьяна Чижова, пришедшая в редакцию газеты «Свидетель», не попадала ни под одну из данных категорий. Тем не менее эта скромная одинокая женщина утверждает, что на ее жизнь покушались. Желая помочь ей, главный редактор газеты Ольга Бойкова и остальные сотрудники взялись за дело и выяснили следующее. Оказывается, Татьяна Чижова знает тайну прошлого влиятельного в городе человека. А он готов на все, чтобы эту тайну сохранить. Вот оно – необозримое поле деятельности для дотошных папарацци...

© Алешина С., 2001

© Научная книга, 2001

Содержание

Дешевле только даром	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Светлана Алешина

Дешевле только даром (сборник)

Дешевле только даром

Глава 1

Строго говоря, времена, когда газета стремилась вмешаться в ход каких-то событий и существенно на них повлиять, давно миновали. Незаметно отмирали рубрики типа «Письмо позвало в дорогу» и тому подобное. Фиксация фактов и развлечение читателя – вот только что осталось газетам. Журналистское удостоверение уже не обладает прежней магической силой. А титул «четвертая власть», которым пресса периодически награждает сама себя, является не более чем утешительным призом. Добиваясь истины и справедливости, человек теперь не стремится напрямик в редакцию, предпочитая более извилистые, но надежные пути. Доверие к силе печатного слова сохранили в некоторой степени лишь люди пенсионного возраста, но и те разочаровываются в нем все больше и больше.

Не знаю, как относиться к этому факту. Может быть, так и должно быть, и пресса просто заняла в обществе то место, которое заслуживает. Может быть, газета вовсе и не должна непосредственно вмешиваться в жизнь граждан – не знаю. Если это теперь общее правило, то следует заметить, что именно наша газета под названием «Свидетель», где я, Ольга Юрьевна Бойкова, работаю главным редактором, является исключением из правил.

Профиль нашей газеты – криминальная жизнь города. Но как-то так сложилось, что сотрудники «Свидетеля» заняты не только фиксацией фактов, а зачастую действуют как маленькое сыскное агентство, самостоятельно распутывая преступления и помогая людям восстанавливать справедливость. Повторяю, это произошло само собой, но после того как нам удалось расследование нескольких громких дел, в городе у нашей редакции сложилась весьма устойчивая и специфическая репутация.

Поэтому никто из нас не удивляется, когда время от времени на пороге редакции возникает очередной посетитель, явившийся не только за тем, чтобы сообщить какие-то факты, а чтобы попросить у нас помощи. Надо признаться, что, откликаясь на подобные просьбы, мы руководствуемся не одними альтруистическими соображениями. Большое значение имеет сенсационность факта, наличие загадки – все-таки у нас газета, а не настоящее сыскное бюро, – и, например, расследовать кражу белья мы не возьмемся. Но, как правило, с такими пустяками к нам и не обращаются. К нам приходят в минуту отчаяния, когда теряют надежду или не хотят огласки. Последнее звучит парадоксально применительно к газете, но своя логика в этом есть: ни один сюжет нами не публикуется без согласия его героев – разумеется, в том случае, если это не резко отрицательные герои. Правоохранительные органы мы тоже стараемся не тревожить без насущной необходимости. К сожалению, это не всегда получается.

Конечно, не обходится и без накладок. Зачастую к нам обращаются люди мнительные, шутники, аферисты или просто психи. Не всегда сразу удастся понять, с кем имеешь дело. В таком случае сотрудники обычно полагаются на мою интуицию, и право на окончательное решение всегда остается за мной.

В тот раз рабочий день только начался. Мы уже провели утреннее совещание и наметили план работы. Мои коллеги только что вышли из кабинета, и я осталась на несколько минут одна. У нас возникли некоторые проблемы с типографией, и я как раз собиралась туда позвонить.

Именно в этот момент в кабинет опять заглянула Маринка, моя подружка и секретарша по совместительству.

– Оль, – сказала она озабоченно. – Пришла какая-то женщина, по виду – типичная домохозяйка. Что ей нужно, по-моему, она сама не особенно понимает. Может быть, ты с ней поговоришь?

Я очень ценю нашу секретаршу – она знает несколько языков и имеет высшее филологическое образование. Но даже не это является ее главным достоинством. Она готовит такой изумительный кофе, какой мне больше не доводилось пробовать ни разу в жизни. Это примиряет меня даже с той безоглядной легкомысленностью, какой отличается Марина в личной жизни. С утомительной регулярностью она без памяти влюбляется, переживает бурный трагический роман и неизменно разочаровывается. Самое неприятное, что в такие моменты странным образом начинает лихорадить всю редакцию, и тогда меня утешают только две вещи: во-первых, Марина всегда искренна в своих чувствах, а, во-вторых, несмотря на личные потрясения, на ее искусство варить кофе это никак не влияет.

Марина смотрела на меня, наморщив лобик, и в глазах ее читалась немедленная готовность избавиться от посетительницы по первому моему слову. Мне тоже не хотелось отвлекаться, но все-таки я сказала:

– Конечно, я с ней поговорю. Надеюсь, у меня это получится лучше, чем у тебя...

Марина с некоторой обидой пожала плечами и заметила:

– Ты же знаешь – люди не хотят исповедаться перед секретаршей, им обязательно нужно, чтобы их выслушал самый главный...

– Ну, значит, это точно ко мне, – вздохнула я. – Проси.

Марина исчезла, а затем в кабинет вошла женщина лет сорока, одетая в простенькое серое платье, с гладко зачесанными волосами, без каких-либо следов косметики на лице. У нее была хорошо сохранившаяся фигура и довольно приятные черты лица, которые портило лишь выражение постоянной озабоченности и резкие морщины, свидетельствующие о том, что женщина часто вынуждена находиться на солнце и слишком мало уделяет внимания уходу за своей кожей. В руках она держала объемистую хозяйственную сумку, с какой женщины обычно ходят на рынок. Сумка была пуста, из чего я заключила, что хозяйка прямо от нас намеревалась отправиться за покупками.

Женщина держалась робко и недоверчиво. Мне даже показалось, что она уже раскаивается в своем намерении посетить редакцию. Но в ней было что-то трогательное и располагающее, и я постаралась сделать все, чтобы она почувствовала себя увереннее. Усадив посетительницу в кресло, я предложила ей кофе.

– Нет, пожалуйста, не беспокойтесь! – немного глуховатым голосом ответила женщина. – По правде сказать, я давно отвыкла от кофе, да и с нервами у меня не все в порядке... – при этих словах между бровей у нее появилась тревожная складка. – Только не подумайте, ради бога, что я не в своем уме!..

– Я вовсе этого не думаю! – поспешно возразила я.

– Может быть, пока не думаете, – вздохнула женщина. – А как узнаете, зачем я сюда явилась...

– Я готова вас выслушать...

Женщина инстинктивно дотронулась кончиками пальцев до своей прически и с некоторым сомнением посмотрела на меня. Я заметила, что ногти у нее коротко острижены, без лака, а руки натруженные и грубоватые – наверняка вся домашняя работа выполнялась именно этими руками.

И еще одна деталь бросалась в глаза. Обычно, если встречаются две незнакомые женщины, между ними сразу же подспудно возникает соперничество. Это происходит на подсознательном уровне, но все женщины прекрасно об этом знают. Так вот, ничего похожего на

соперничество в моей гостье не замечалось. Она как будто раз и навсегда смирилась с участью домохозяйки, вычеркнув из своей жизни обычные женские уловки. Правда, мне не удалось избежать ее оценивающего взгляда – женщина пыталась понять, можно ли доверить свои проблемы такой, как я, – слишком молодой, слишком элегантной и слишком далекой, на первый взгляд, от проблем.

– Даже не знаю, как начать... – с неуверенной улыбкой произнесла она.

– Давайте сначала познакомимся, – предложила я. – Меня зовут Бойкова Ольга Юрьевна, а вас?

– Чижова Татьяна, – тихо сказала женщина. – Татьяна Петровна.

– Очень приятно, – кивнула я. – Итак, Татьяна Петровна, что вас привело к нам? Вас беспокоят какие-то проблемы?

Чижова устало провела по щеке тыльной стороной ладони и с прежней неуверенностью проговорила:

– Да, наверное... Только я не знаю, как это сказать, чтобы вы не сочли меня полной дурой... Дело в том, что, кажется, меня хотят убить...

Сказав это, она испуганно посмотрела на меня, словно ожидая, что я немедленно выставлю ее из кабинета. К сказанному она не торопилась ничего добавить, поэтому я, выдержав небольшую паузу, осторожно спросила:

– Простите, если дело так серьезно, почему вы обратились не в милицию, а в нашу газету? Чижова замялась.

– Правда, я, наверное, зря пришла, – потерянно произнесла она. – Не знаю, почему мне пришло в голову... Хотя я слышала, что вы иногда помогаете поймать преступников...

– Наверное, это слишком громко сказано, – мягко возразила я. – Просто иногда мы проводим собственное расследование. Но, в конечном счете, ловит преступников все-таки милиция...

– Вообще-то мы обращались в милицию, – вдруг сказала Татьяна Петровна. – Но, по моему, они мне не поверили... То есть не то чтобы не поверили, но, мне кажется, не придали этому значения. Сейчас такая преступность... Я еще, наверное, не сумела их убедить...

– Ну что же, попробуйте тогда убедить меня, – сказала я рассудительным тоном. – Вы только успокойтесь и расскажите все по порядку.

– Я попробую, – сказала Чижова. – Дело в том, что мне и самой все это кажется немного глупым. Но я ужасно боюсь.

– Может быть, все-таки кофе? – еще раз предложила я.

– Нет, спасибо, – мотнула головой Чижова. – Все-таки не надо. Я и так вся взбудоражена. Лучше я сейчас сосредоточусь и расскажу вам...

Она опять нервно коснулась волос, глаза ее сделались серьезными и как бы отсутствующими.

– Вообще-то впервые я насторожилась в трамвае, – быстро заговорила Татьяна Петровна, словно опасаясь, что я прерву ее после первых же слов. – Дней десять назад. Я просто ехала на работу и почувствовала, что на меня смотрят. Вообще-то я редко замечаю, что творится вокруг... Живу одна, взрослый сын, голова, знаете, занята одним и тем же... И поесть надо, и за квартиру заплатить, и одеться... А учебники? Вы знаете, сколько сейчас стоят школьные учебники? – Она посмотрела на меня так, что стало ясно – цена на учебники пугает ее ничуть не меньше, чем убийство. – Ну, вот... А тут я обратила внимание, что он на меня смотрит...

– Он – это кто? – поинтересовалась я.

– Знаете, один тип, – неприязненно сказала Чижова. – Очень неприятный, какой-то неряшливый, отталкивающий тип... У него был очень тяжелый, скверный взгляд. И он пристально смотрел на меня. А когда заметил, что я тоже смотрю на него, тут же отвернулся и

попытался скрыться в толпе... Вернее, он скрылся. Больше я его не видела. Но настроение было испорчено на весь день. Словно я прикоснулась к чему-то грязному, понимаете?

Я ободряюще кивнула, заметив:

– Но ведь это, наверное, не все, что вы хотели мне рассказать? У этого случая было какое-то продолжение, если я не ошибаюсь?

– Да, конечно! – поспешно согласилась Чижова. – Разве я стала бы беспокоить вас из-за того, что мне в трамвае не понравился какой-то человек! Собственно, я тут же о нем и забыла и никогда бы не вспомнила, если бы на следующий день он на меня не напал!

– Он напал на вас?! И вы уверены, что это был тот самый человек?

Видимо, Чижову тоже смутил этот вопрос. Она некрасиво наморщила лоб и объяснила, стараясь говорить как можно убедительнее:

– Понимаете, поклясться в этом я не могу. Но очень похож. Просто напал он на меня поздно вечером – было уже темно. Я возвращалась домой, а там у нас с освещением неважно. Я имею в виду, на улице...

– А где вы работаете? – спросила я.

– В детском доме, воспитателем, – ответила Чижова. – Это на Кутузовской улице. Я сейчас подрабатываю, поэтому мне приходится поздно возвращаться. А сегодня я взяла отгул.

– Значит, этот человек напал на вас на Кутузовской улице?

– Да. От детского дома десять минут ходьбы до трамвайной остановки. Прохожих там мало и, надо сказать, довольно страшновато. Но до сих пор ничего подобного не случилось. Если бы не сын, не знаю, чем бы и закончилось...

– Простите, сын? – не поняла я.

– Да, именно в этот день сын решил меня встретить, – объяснила Чижова. – Видите ли, он потерял свои ключи и не мог попасть домой. Тогда он решил меня встретить. Я думаю, это судьба.

– Что же все-таки произошло? – спросила я.

– Ну, я шла к остановке... Торопилась. Я вообще всегда хожу быстро и почти не смотрю по сторонам. Этот человек вышел из переулочка. Наверное, он давно ждал меня там. Передо мной шла женщина – он ее не тронул. Я заметила его в последний момент. В руках у него сверкнул нож. Я едва успела загородиться сумкой и закричала. Вообще-то я очень испугалась, но, знаете, мне страх придает силы – я всегда сопротивляюсь... – при этих словах лицо Татьяны Петровны неожиданно помертвело, словно она вспомнила что-то чудовищное, о чем вспоминать было нельзя.

Я не стала ее торопить, но пауза затягивалась, и мне пришлось спросить:

– Вы себя хорошо чувствуете?

– А? Что? – спохватилась Чижова, и взгляд ее прояснился. – Извините, я просто задумалась. Наверное, я кажусь вам странной. Но у меня от всего этого мозги набекрень...

– Я понимаю, – мягко сказала я. – Но давайте закончим. Итак, он напал на вас с ножом. Он что-то потребовал от вас?

– Нет! В том-то и дело, что все было так нелепо и неожиданно. Я только внезапно увидела бросившуюся на меня тень и сверкнувший нож.

– Вы закричали, – напомнила я.

– Да, закричала, – сказала Чижова. – Без особой надежды, рядом ведь никого не было. Просто от страха. И вдруг услышала, что кто-то бежит ко мне. Тогда я еще не знала, что это сын. Он шел от остановки и слышал мой крик. И сразу бросился на помощь. Конечно, знай я, что он там, ни за что не закричала бы. Лучше бы сама погибла, чем подвергать опасности ребенка.

– Сколько лет вашему сыну? – поинтересовалась я.

– Шестнадцать, – сказала Чижова.

– Смелый мальчик, – заметила я. – Ведь он, наверное, видел этого бандита?

– Видел, конечно, – вздохнула Чигова. – Но это его не остановило. Он вообще у меня безрассудный. Ничего не боится. Мне это не очень нравится, но, наверное, не будь Игорь таким, я сейчас с вами не разговаривала...

– Его зовут Игорем? – уточнила я. – Значит, он спугнул бандита?

– Если бы! – с горечью произнесла Чигова. – Он стал с ним драться.

– Шестнадцатилетний подросток – с вооруженным бандитом? – удивилась я. – Он у вас действительно не из трусливых! Но как же он справился?

– Видите ли, Игорь занимается тяжелой атлетикой, – сказала Чигова. – Он очень сильный для своего возраста. Да что там – не всякий взрослый может с ним тягаться! Правда, из-за своих занятий Игорь очень плохо растет, и это меня беспокоит... Но я опять не о том! В общем, Игорь сцепился с этим типом и сумел выбить у него нож. Но тому удалось Игоря серьезно ранить – он повредил ему связки на правой руке. Теперь Игорь лежит в больнице. Я хожу к нему каждый день, а в тот раз провела в палате всю ночь. Представляете, каково мне было сознавать, что из-за меня ребенок едва не стал инвалидом!

– Да, это ужасно! – сказала я. – Но, наверное, ваш сын так же укорял бы себя, если бы вы пострадали. Кстати, вы не были ранены?

– Нет, – виновато сказала Чигова. – Ни одной царапинки. Только всю сумку мне изрезал... Я, дура, сначала из-за этой сумки расстроилась. Когда Игорек как следует навалил этому типу и тот был вынужден бежать, я сгоряча ничего не заметила. Только потом, когда мы на остановку пошли, я смотрю, он руку зажал и весь в крови! Но тут уж я настояла на своем и отвела его в больницу. Там же рядом, в шестую горбольницу. Его положили в травматологическое отделение. Пришлось пробыть там всю ночь. Во-первых, мне было страшно за Игоря, а во-вторых, у меня не хватило бы духу возвращаться ночью домой.

– И тогда вы обратились в милицию? – догадалась я.

– Нет, мне это почему-то не пришло в голову, – призналась Чигова. – В милицию сообщил врач. Утром пришел какой-то лейтенант, задавал вопросы... Потом он нас утешил – сказал, что шансов поймать этого негодяя практически нет. Тогда это меня не слишком огорчило – главное, что Игорь был жив. Я уже успокоилась и подумала: мало ли чего не бывает – ну, напал какой-то придурок, больше-то этого не повторится...

– Следует понимать, что это повторилось? – спросила я.

– В каком-то смысле, – печально сказала Чигова. – Наутро я прямо из больницы отправилась на работу и домой попала уже после обеда. – Она подняла на меня усталые глаза и сказала с отчаяньем: – Замок в двери был взломан! Ночью в квартире кто-то был. Ничего, правда, не взяли... Хотя у нас и брать-то нечего! Но, я думаю, дело вообще не в этом. Кто-то опять искал меня! У них не получилось расправиться со мной на улице – тогда они решили достать меня дома...

– Вызывали милицию? – спросила я.

– Из-за сломанного замка? – махнула рукой Татьяна Петровна. – Господи, кто этим будет заниматься? А если я сообщу в милиции, что меня, мать-одиночку, с зарплатой семьсот рублей, разыскивают наемные убийцы, то, пожалуй, меня тут же отправят в психушку!

– Почему же именно наемные? – возразила я. – Большая часть убийств, как это ни при-
скорбно, происходит на бытовой почве. Может быть, кто-то из родственников...

– Из родственников у меня здесь только сын, – отрезала Чигова. – Жила когда-то тетка – от нее мне досталась эта однокомнатная квартира. Больше никого у нас здесь нет.

– Может быть, сын? – предположила я. – Вы знаете, с кем он водит компанию?

– Шестнадцать лет – трудный возраст, – серьезно сказала Татьяна Петровна. – Но на сына мне грех жаловаться. Он очень заботливый. Наверное, он что-то от меня скрывает, но друзей его я знаю. Ребята непростые, может быть, даже чересчур агрессивные, но возьму на

себя смелость утверждать – с преступным миром они не связаны. У них есть цель в жизни: один хочет поступать в военное училище, другой уже выступает за юношескую сборную, Игорь интересуется информатикой... К сожалению, материально мы стеснены, и мечты могут так и остаться мечтами. Но пока я за своего сына спокойна.

– Соседи? – не отставала я.

– Я редко общаюсь с соседями, – ответила Чижова, – тем более не вступаю в конфликты. Нет, думаю, соседи здесь ни при чем.

Она замолчала и посмотрела на меня с чувством исполненного долга. Наверное, теперь, когда ее выслушали, Чижовой стало легче, и, кроме того, она, кажется, всерьез надеялась, что я сумею ей чем-то помочь.

– Значит, вы хотите сказать, что вас намереваются убить просто так, ни за что? – осторожно спросила я.

Чижова виновато пожала плечами.

– Получается, так, – сказала она. – Звучит глупо, но ничего в голову мне не приходит. Мы с сыном ведем тихую, скромную жизнь, никому не мешаем. Я все время на работе. Сейчас я даже ночую там – одной дома страшновато. Сын учится, и довольно неплохо... Много времени отнимает у него секция. Кому мы перешли дорогу – ума не приложу.

– Может быть, это случайное совпадение? – предположила я.

– Может быть, – грустно ответила Татьяна Петровна. – Я сама себя в этом убеждаю. Но потом вспоминаю, как все это складывалось в одну цепочку – человек в трамвае, нападение и взлом квартиры, – и мне делается не по себе. Не столько жалко себя, а сына. Ему еще надо встать на ноги, а что он будет делать без меня?

– Вы уверены, что ему ничего не грозит? – спросила я.

– Нет, конечно, – поспешно сказала Чижова. – Просто у меня сложилось впечатление, что охотятся за мной...

– Согласитесь, все-таки это странно, – не слишком любезно проговорила я. – Охотятся за бизнесменами, политиками, криминальными авторитетами... Вас трудно отнести к какой-либо из этих категорий. Честно говоря, не знаю, что вам сказать.

– Значит, я зря отнимаю у вас время? – лицо Чижовой опять приняло озабоченное выражение.

Она не обиделась и не огорчилась. Просто в перечень ежедневных забот она мысленно внесла еще один пункт – наемный убийца – и удовлетворилась этим. Мне стало немного стыдно перед этой женщиной, несущей свою нелегкую ношу с покорностью и редким мужеством. Даже если ей примерещилась эта охота – все равно она заслуживала сочувствия и внимания.

– Давайте встретимся еще раз, – предложила я. – Пока я все хорошенько обдумую, и вы, возможно, еще что-нибудь вспомните... Давайте только договоримся, когда и где.

Чижова уже поднялась с кресла и теперь теребила ручку хозяйственной сумки. Никаких следов от ножа на ней не было, из чего я заключила, что это другая сумка.

– Завтра я весь день работаю, – задумчиво проговорила она. – Сегодня после обеда побегу к Игорю в больницу, а оттуда – в детдом ночевать... Даже не знаю, как нам с вами договориться...

– Знаете, что, – предложила я, – давайте я вместе с вами везде побываю – встретимся у вас дома, а потом поедem в больницу. Заодно я с Игорем поговорю, если не возражаете.

– Что ж тут возражать, – сказала Чижова. – Если у вас есть время... Подходите к часу. Я живу по адресу: улица Перспективная, дом сто четырнадцать, квартира тридцатая. К часу, я думаю, успею управиться и буду вас ждать. Приходите.

Глава 2

Мой рассказ произвел на сотрудников неоднозначное впечатление. Марина кивнула с таким глубокомысленным видом, будто эта история была ей давно известна, и сказала:

– Так я и думала: у этой дамочки крыша поехала!

Зато наш курьер, семнадцатилетний Ромка, преисполненный юношеского энтузиазма, пришел в восторг.

– Здесь какая-то тайна! – заявил он. – Лично мне эта женщина показалась совершенно нормальной. Просто она, сама не подозревая об этом, оказалась втянутой в какую-то аферу. Мы должны ей помочь!

Фотограф Виктор, худой, высокий и очень сдержанный человек, попросту пожал плечами. Он вообще был немногословен и осторожен в выводах. Его стихией было действие. В решительные моменты на него можно было положиться как на самого себя. Как-никак, а во время афганской кампании он служил в разведываде.

– А вы что скажете, Сергей Иванович? – обратилась я к нашему аналитику Кряжимскому.

Кряжимский был нашим старейшим сотрудником и по праву считался средоточием опыта и интеллекта.

Он ответил не сразу – обвел нас спокойным задумчивым взглядом, прокашлялся, а потом деликатно сказал:

– Случай, конечно, не совсем обычный, дорогие коллеги. И я, например, не беру на себя смелость делать какие-либо выводы. Единственно, что я могу себе позволить, это высказать два предположения. Одно из них такое: не исключено, что эта женщина действительно не вполне здорова. В таком случае это выяснится очень быстро – я думаю, в первой же беседе с сыном или с соседями. Но если ее рассказ – не болезненная фантазия, тогда, мне кажется, положение очень серьезное. Безусловно, мы должны помочь, но, к сожалению, никто из нас не знает, как это сделать, не так ли? Нам неизвестно, откуда исходит опасность.

– Ищи того, кому это выгодно! – важно изрек Ромка, вмешиваясь в монолог.

– Вот именно! – сказал Кряжимский, с мягкой укоризной глядя на курьера. – Кому может быть выгодна смерть одинокой, небогатой, обремененной проблемами женщины? Пока мне в голову ничего не приходит...

– Может, она только притворяется небогатой? – скептически произнесла Марина.

– Все может быть, – наклонил голову Кряжимский. – Все-таки у нас маловато информации, чтобы выдвигать гипотезы.

– Я мог бы потусоваться у них во дворе, – предложил Ромка. – Поговорить с пацанами. Они наверняка что-то знают. В смысле, об этом Игоре...

– Давайте не будем спешить, – предупреждая поднял руку Кряжимский. – Ольга Юрьевна уже договорилась о встрече. Полагаю, это более надежный способ что-то выяснить. Со своей стороны, предлагаю обратиться в то отделение милиции, где якобы зафиксирован случай разбойного нападения. Если не возражаете, я этим займусь.

– Это было бы неплохо, – заметила я. – Что же касается Ромкиного предложения, то тут я категорически возражаю. Боюсь, в лице Ромки наша редакция будет выглядеть не слишком авторитетно, особенно для местных пацанов. Как бы они ни навешали ему синяков...

В ответ на это заявление Ромка ничего не сказал и лишь безнадежно махнул рукой, давая понять, что уже давно разочаровался в наших умственных способностях. Несмотря на свою скромную должность, Ромка всерьез считает себя гением сыска и убежден, что добился бы на этом поприще гораздо больших успехов, если бы его не тормозили коллеги по работе.

– Итак, договорились! – подытожила я. – Сергей Иванович заглянет в милицию, а я встречу с Чижовой и побываю на местах событий... Пожалуй, я бы взяла с собой Виктора. Ведь не

исключено, что за нами кто-то будет наблюдать. Но, пожалуй, Татьяна Петровна может стесняться, если мы заявимся вдвоем. Поэтому сначала я попробую наладить контакты сама...

– Возьмите газовый баллончик! – неожиданно предложил Виктор, и это было первое, что он сказал за время обсуждения.

Предложение звучало довольно разумно и косвенно указывало на то, что Виктор вполне допускает: рассказ Чижовой не является болезненной фантазией. Впрочем, уточнять свою позицию наш фотограф не стал. Я же доверилась его опыту и перед уходом все-таки запаслась баллончиком.

К часу я уже была на Перспективной улице. Дом, в котором проживала Татьяна Петровна, оказался стандартной «хрущобой», на первом этаже которой располагалась аптека. Район казался довольно тихим, хотя и находился в двух шагах от центра города. Видимо, учитывая оба эти обстоятельства, какие-то предприимчивые люди открыли здесь казино под названием «Колесо фортуны». Его золоченая вывеска висела как раз напротив дома, в котором жила Чижова. Для меня существование этого заведения оказалось неожиданностью – его появление как-то прошло мимо моего внимания.

Я вошла во двор дома. Здесь не было ничего необычного. Несколько чахлах деревьев, не слишком ухоженные клумбы, железные гаражи. На балконах мирно сохло белье.

Я поднялась на пятый этаж и остановилась перед дверью тридцатой квартиры. Дверь была безо всякой отделки, зато следы взлома сразу бросались в глаза: на косяке остались вмятины и царапины. Видимо, взломщики, не мудрствуя лукаво, попросту отжали дверь ломиком.

Однако дверь была заперта – наверное, хозяйка сразу же сменила замок. Я позвонила. Раздались торопливые шаги, и дверь открылась.

Татьяна Петровна стояла на пороге. На лице ее было прежнее выражение озабоченности, и она как будто совсем позабыла о нашем свидании – во всяком случае, мое появление, кажется, немного ее удивило. Впрочем, она тут же улыбнулась извиняющейся улыбкой и сказала:

– Вы все-таки пришли. А я уж тут себя ругаю – может, зря я все это затеяла? Да вы проходите! У меня, правда, беспорядок... Совсем запустила квартиру...

Она проводила меня в комнату. Особого запустения я не заметила, но вся обстановка свидетельствовала о том, что материальное положение этой семьи было весьма далеко от идеального. Гардероб перегораживал комнату пополам, образуя как бы два помещения. На светлой половине с окном стоял простой письменный стол, а рядом – аккуратно застеленная кровать, из-под которой выглядывали разборные гантели, отливавшие холодным стальным блеском.

Сама Татьяна Петровна, видимо, спала на старом диванчике, располагавшемся по другую сторону от шкафа. Здесь же стоял большой телевизор старой модели. Больше ничего в комнате не было, если не считать книжной полки с несколькими затрепанными детективами и кипой глянцевого журналов с бронзовокожими атлетами на обложках.

– Вы посидите пока, – предложила Татьяна Петровна. – Я только Игорю поесть соберу... Сами знаете, как сейчас в больницах кормят. А он, представьте себе, все время есть просит, – с неловким смешком призналась она. – И возраст такой, и атлетика эта, будь она неладна! Ну да куда денешься? Все лучше, чем по улицам шататься...

Я не стала садиться, а последовала за Татьяной Петровной на кухню. Тут было так же чисто и так же аскетично, как в комнате. Наблюдая, как хозяйка укладывает в сумку продукты, я спросила:

– Простите, Татьяна Петровна, вы не замужем?

Не прерывая своего занятия, Чижова сказала будничным тоном:

– Мы развелись. Это было давно. Игорю было тогда шесть лет. – Она оглянулась по сторонам, опасаясь что-нибудь забыть.

– Муж поддерживает с вами отношения? – задала я следующий вопрос.

– Слава богу, нет, – сказала Чигова. – Я считаю, это ни к чему, да мы и живем довольно далеко друг от друга. Он остался в Горьком, то есть теперь в Нижнем Новгороде...

– Но он выплачивает сыну алименты? – уточнила я.

Татьяна Петровна пристально посмотрела на меня и ответила твердо:

– Ни алиментов, ни писем, ни открыток ко дню рождения! Мы расстались раз и навсегда. Если ты не хочешь делить с человеком невзгоды и радости, тем более некрасиво делить его деньги – я так считаю!

– Возможно, вы правы, – сказала я. – Просто я подумала: не могли ли последние события быть отражением вашего с мужем конфликта?

– Да что вы! – устало заметила Чигова. – Это сугубо мирный, безвольный человек. Инженер по измерительной аппаратуре. Рыбалка, пиво, футбол. Сейчас он, наверное, толстый, лысый и апатичный. Если, конечно, не спился. Это единственное, что он мог совершить в своей жизни эксцентричного...

– Вы, кажется, очень сердиты на мужа, Татьяна Петровна, – заметила я.

– Наверное, – хмуро кивнула Чигова. – Хотя правильнее сказать, что я сердита на саму себя. За совершенную ошибку...

– Мы не можем прожить жизнь без ошибок, – напомнила я.

– Это верно. Только некоторые даже не догадываются о своих ошибках, – с горечью произнесла Чигова. – Меня же, можно сказать, просто ткнули в нее носом... Но давайте не будем об этом. Все это уже быльем поросло... Вы не раздумали ехать со мной в больницу?

– Нет, конечно, – ответила я. – Только, к сожалению, я не сообразила позаботиться о гостинцах. Будет, пожалуй, неудобно...

– Не беспокойтесь! – махнула рукой Чигова. – Игорь терпеть не может подарков от чужих людей. Он максималист.

– Наверное, это ваша черта, – с улыбкой сказала я.

– Ну что вы! В моем положении основной чертой является искусство компромисса, – возразила Чигова. – Максимум – это привилегия юности. Только не подумайте, что я считаю это достоинством. Я вот заранее боюсь, что вы с Игорем не найдете общего языка...

– Ничего страшного, – сказала я. – Мне нужно задать ему всего лишь два-три вопроса. Надеюсь, он не будет возражать.

– Я постараюсь ему все объяснить, – пообещала Чигова. – А теперь, наверное, можно отправляться? Мы как раз успеем к концу тихого часа...

– Да, пожалуй, пора, – согласилась я. – Только еще один вопрос, Татьяна Петровна. Квартиру вашу, конечно, завидной не назовешь, но, возможно, все-таки кто-то имеет на нее виды?

– Ну, подумайте сами, кто позарится на эту халупу? – презрительно сказала Чигова. – Дом старый, крыша протекает, неделями не бывает воды... И потом, это же не комната в коммуналке, которую можно присоединить к своей жилплощади. Сын, разумеется, здесь прописан. Выходит, нужно убивать нас обоих? Нет, как хотите, это, по-моему, полный абсурд!

– Возможно, вы правы, – согласилась я. – Но, может быть, вы вспомнили что-нибудь о соседях? Какая-нибудь личная неприязнь?

– Исключено, – покачала головой Чигова, заметив со сдержанной гордостью: – Мы поддерживаем со всеми соседями ровные, дружеские отношения. Насколько я знаю, даже у Игоря ни с кем из них не было конфликтов, а это все-таки необычно в его возрасте. И соседи нас не обижают... Вот свежий пример: Валентин из квартиры напротив сразу же врезал нам замок и не взял никаких денег за это... Нет-нет, никакой личной вражды, можете быть уверены!..

На какое-то мгновение она запнулась и обвела стены тревожным взглядом. Потом, вздохнув, произнесла с отчаяньем:

– Только подумать – они здесь были! И ждали нас ночью! Какой ужас!

– Почему вы думаете, что теперь это были они, а не он? – поинтересовалась я.

– Мне так кажется, – сказала Чижова. – Один с нами не справится. Но решил в ту же ночь поправить дело. Поэтому наверняка он прихватил с собой дружков. Они ждали нас обоих...

– Все-таки напрасно вы не обратились в милицию, – заметила я.

– Что она может, эта милиция? – сказала Татьяна Петровна. – Милиция теперь служит тем, у кого есть деньги. Мы, нищие, им не интересны. Может быть, когда на сцене появится труп...

– Тьфу-тьфу-тьфу! – сердито сказала я. – Что вы такое говорите!

– А что мне остается говорить? – безнадежно отозвалась Татьяна Петровна. – Конечно, я тоже надеюсь, что это какая-то ошибка... Но... – она только махнула рукой, – ладно, пойдемте! Все равно мы здесь ничего не высидим!

Покинув квартиру, мы вышли на улицу. Теперь в компании Чижовой я невольно обращала внимание на каждую мелочь: на приоткрытую дверь чужой квартиры, на одинокого прохожего, застывшего на краю тротуара, на вывернувшуюся из-за угла автомашину. Татьяна Петровна казалась ко всему равнодушной, мысли ее были где-то далеко, – возможно, она думала о сыне. Но для человека, которого намереваются убить, она выглядела чересчур рассеянной. Я не удержалась, чтобы не сообщить ей об этом.

– Вы думаете, они могут напасть вот так, среди бела дня? – удивилась Чижова. – Я как-то не задумывалась об этом... Наверное, вы правы, и мне следует быть осторожнее. Но только я ужасная трусиха! Если я каждую минуту буду ждать нападения – я и шагу не смогу ступить!

– Вы не производите впечатления ужасной трусихи, – заметила я. – Пожалуй, даже наоборот. В вашей ситуации следует быть внимательнее. Желательно бы подмечать каждую мелочь, каждое новое лицо, каждое подозрительное слово...

– Знаете, сейчас мне каждое слово кажется подозрительным, – невесело усмехнулась Чижова. – Собственно, я потому к вам и пришла – сыщик из меня никудышный!

– Я тоже не Шерлок Холмс, – заявила я. – Ваш случай слишком необычен. По тем фактам, что вы сообщили, трудно сделать какие-то выводы. Мне позарез нужна информация. Поэтому я и призываю вас не забывать про мелочи. Они могут оказаться решающими.

– Я понимаю, – покорно сказала Чижова. – Но что же делать? Я постаралась быть внимательнее.

Впрочем, и после этого обещания поведение ее мало изменилось. Пока мы добирались до остановки, а потом ехали в трамвае, Татьяна Петровна сосредоточенно молчала, погруженная в свои мысли. Я опять попыталась ее разговорить.

– Итак, насколько я поняла, вы приехали в Тарасов из Нижнего Новгорода, – сказала я. – Родственников у вас здесь нет, с соседями вы живете душа в душу. Может быть, что-то на работе?

Чижова невольно рассмеялась.

– Простите, – смущенно сказала она. – Вы, наверное, плохо представляете, что такое коллектив детского дома... Женщины, разрывающиеся между семьей и неблагодарным, бесконечным трудом. Горшки, сопли, детские утренники... Многие вынуждены подрабатывать, потому что денег, которые платят, никогда не хватает... Здесь неизбежны обиды, сплетни, зависть. Но все это настолько банально! Есть люди, которых я могу назвать своими недоброжелателями, но даже они в роли заказчиков моего убийства... Нет, это просто смешно! Да и чем они будут расплачиваться с киллером – теми грошами, которые выплачивают с двухмесячной задержкой? Нет, это просто нелепо!

– Почему же нелепо? – возразила я. – Известны случаи, когда убийца выполнял свое черное дело за бутылку самогона. Цена человеческой жизни падает...

– Все равно, это не укладывается в голове, – промолвила Чижова. – Может быть, вы правы. Но мне трудно представить, чтобы наши дамы водили компанию с уголовниками. Если бы вы видели того типа! Он явился ко мне совсем из другого мира...

– И все-таки, если не возражаете, мне хотелось бы поговорить с вашими коллегами по работе, – сказала я. – Лучше всего – с недоброжелателями...

– Да ради бога! – спокойно ответила Татьяна Петровна. – Только не совсем ясно, как я вас им представлю...

– Меня не нужно представлять, – успокоила я ее. – Сама что-нибудь придумаю. Но сначала попробую поговорить с вашим сыном...

Игорь ждал мать в вестибюле. По-видимому, ему уже был в тягость больничный режим, и он всеми способами старался от него уклониться. Лобастый, крепко сбитый и хмурый, он выглядел старше своих лет, и даже мятая бесформенная пижама не делала его смешным. Правая рука Игоря была перебинтована.

Увидев мать, он довольно степенно двинулся ей навстречу, и только в серых, глубоко посаженных глазах вспыхнула радостная искорка. Впрочем, она тут же погасла, когда Игорь понял, что мать не одна. Он повел себя так же, как обычно ведут себя подростки, оказавшись в компании привлекательной женщины, которая гораздо старше их. Он явно испытывал неловкость, которую пытался скрыть за вызывающим и даже грубоватым поведением.

– Вот, Игорек, я и пришла, – сказала Татьяна Петровна. – Поесть тебе принесла. Как у тебя дела, сынок?

– Нормально! – буркнул Игорь, взяв у матери сумку. – Я сейчас отнесу все в холодильник, – предупредил он, намереваясь уйти.

– Что же ты не здороваешься, сынок! – с упреком сказала Татьяна Петровна. – Это Ольга Юрьевна, из газеты... Я просила ее нам помочь...

– Здравствуйте, – с усилием произнес Игорь. – А чего нам помогать? – взгляд его украдкой чиркнул по моей фигуре и ушел куда-то в сторону. – До сих пор вроде сами справлялись... – Сказав это, он поспешно пересек вестибюль и скрылся в коридоре отделения.

– Не обращайтесь внимания, – грустно сказала Чигова. – Подростки всегда грубят красивым женщинам. Это способ самозащиты от ваших чар.

– Вы говорите это так, словно не относите себя к прекрасному полу, – заметила я. – Не слишком ли это печально звучит?

– Да бросьте! – с досадой промолвила Чигова. – Какой там прекрасный пол! Я просто мать.

Вернулся Игорь – уже налегке – и тут же предложил матери прогуляться по больничному двору. Мы вышли на огороженную бетонным забором территорию больницы и уселись на свободной лавочке в тени старого вяза.

– Послушай, Игорь! – начала я безо всяких предисловий. – Твоя мама попросила меня помочь разобраться в том неприятном инциденте, из-за которого ты попал в больницу. Как, кстати, твоя рука?

– А что рука? – мрачно произнес он, взглядывая на мать. – Сухожилия порезал. Врач сказал – заживать будет долго. Ничего, заживет! – добавил он убежденно, адресуясь явно к матери. – Главное, это разрабатывать руку... Все будет нормально!

– Я рада, что ты так настроен, – сказала я. – Вообще, кажется, у тебя есть характер. Не страшно было идти против вооруженного бандита?

Игорь снисходительно посмотрел на меня.

– А если бы вашу мать хотели пырнуть ножом? – спросил он. – Вам было бы страшно?

– Наверное, – сказала я. – И вряд ли я с ним справилась бы, кстати. А как тебе это удалось?

– Я выжимаю сто кило, – небрежно сообщил Игорь. – Если бы этот урод был без ножа, я вообще оставил бы от него мокрое место! Ему повезло...

– Как ты думаешь, кто это мог быть? – спросила я.

Игорь пожал плечами.

– Сейчас этой сволочи везде полно, – с ненавистью сказал он. – Наркоман, наверное. Они за дозу мать родную придушат!

– Значит, ты думаешь, что нападение было совершенно случайным? И ты никогда раньше не видел этого человека?

Игорь с недоумением посмотрел на меня.

– Нет, конечно! – сказал он. – С чего вы это взяли?

– Дело в том, что твоя мама считает, что за ней следят, – объяснила я. – И, между прочим, в ту же ночь кто-то забрался в вашу квартиру... Вряд ли это простое совпадение!

Игорь открыл рот, а потом с негодованием уставился на мать.

– Ты мне ничего не сказала! – возмущенно воскликнул он.

– Ладно-ладно, не заводись! – спокойно сказала Татьяна Петровна. – Зачем я буду волновать тебя, раненого?

– Вот ничего себе! – задохнулся Игорь. – И ты говоришь это так спокойно? Их поймали?

– Никого никто не ловил, – терпеливо сказала Татьяна Петровна. – Они взломали дверь, а потом тихо ушли. Их даже никто не видел. Но они ничего не взяли, поэтому я решила...

– Все! Я сейчас же выписываюсь! – заявил Игорь, вскакивая со скамейки. – Ты там дрожишь по ночам от страха...

– Я ночую на работе, – сказала Татьяна Петровна. – Не волнуйся.

– Ничего себе, не волнуйся! – упавшим голосом произнес Игорь, опять опускаясь на свое место, он явно был очень расстроен. – Ты, конечно, даже в милицию не обращалась!

Татьяна Петровна виновато улыбнулась.

– И все-таки, Игорь, подумай хорошенько, кто это может быть? – сказала я строго. – Ведь так не бывает, чтобы ни с того ни с сего...

Игорь угрюмо посмотрел на меня и здоровой рукой пригладил светлые волосы. Я заметила, что он совсем не похож на мать – даже волосы у них были разного цвета.

– Я думаю, – сообщил он. – Но мне абсолютно ничего не приходит в голову. Если вы решили, что это я связался с какой-то компанией, то вы сильно ошибаетесь! Никто из моих друзей даже не курит, – он взглянул на меня почти враждебно. – И, между прочим, не пьет!

– погоди! – сказала я. – Ничего такого я не решила. С чего ты взял? Но у тебя ведь могли быть с кем-то конфликты...

– При чем тут мои конфликты? Мать-то тут при чем? Говорю вам, я вообще раньше не видел этого человека!

– Ну, а смог бы ты его узнать, если бы еще раз увидел?

– Если близко, наверное, узнал бы, – пожал плечами Игорь.

– Хорошо, тогда, если вдруг где-то увидишь его или что-то вспомнишь – позвони по этому телефону, – я дала Игорю визитную карточку с номером телефона редакции.

Он повертел ее в пальцах и опустил к карман пижамы. Судя по его виду, он с удовольствием выбросил бы карточку в урну, но постеснялся сделать это в моем присутствии.

Мы с Чижовой поднялись со скамейки одновременно и, словно прочитав мысли друг друга, отошли в сторону.

– Я сейчас, Игорек! – заботливо сказала Татьяна Петровна, оборачиваясь к сыну.

Он только досадливо тряхнул головой.

– Пожалуй, я пойду, – негромко сообщила я. – Вам ведь нужно пообщаться с сыном. Не хочу вам мешать.

– Вы хотели зайти ко мне на работу, – напомнила Чижова.

– В следующий раз, – ответила я. – По правде сказать, мне хотелось бы посетить секцию, куда ходит Игорь. Это возможно?

– Думаю, да. Он занимается в спорткомплексе «Молодость» на Трудовой улице, у тренера Липягина. А вы думаете...

– Честно говоря, не знаю, что и думать, – призналась я. – Просто стараюсь найти хоть какую-то ниточку. Не с неба же свалилась на вас эта напасть!

Татьяна Петровна посмотрела на меня с сомнением, но ничего не сказала.

– Если что – вы знаете, как меня найти, – напомнила я, прощаясь. – До свидания.

Чижова смотрела мне вслед, пока я не дошла до ворот больницы, а потом вернулась к сыну.

Глава 3

– Конечно, я знаю Чижова Игоря! – сказал тренер Липягин. – Прекрасно знаю. Он занимается у меня третий год. А что, собственно, случилось?

Мы стояли в коридоре спорткомплекса «Молодость». За полуоткрытой дверью зала периодически раздавался гулкий металлический грохот – там «качали железо». Липягин – крупный, начинающий лысеть мужчина с могучими плечами, распирающими ткань спортивной куртки, очень серьезно посмотрел на меня.

– Я пока сама пытаюсь понять, что случилось, – ответила я. – Но вы, конечно, слышали, что Игорь пострадал в схватке с бандитом?

– Разумеется, – нахмурился Липягин. – Мы с ребятами навещали его в больнице. Все очень переживают. Травма серьезная. Жалко парня!

– Он рассказывал, при каких обстоятельствах это произошло?

– Да, какой-то негодяй набросился на его мать, – с негодованием сказал тренер. – Конечно, у Игоря не было другого выбора. К сожалению, мы только качаем силу, а в ту минуту ему больше быгодились боевые единоборства. Но, во всяком случае, он поступил как мужчина. Возможно, это прозвучит неуместно, но я горжусь, что сумел привить парню эти качества...

– Никак не хочу приуменьшить вашей роли, – заметила я. – Но вы уверены, что это только ваша заслуга?

Липягин внимательно посмотрел на меня и скрестил на груди крепкие руки.

– Процентом на восемьдесят, – уверенно заявил он. – Все-таки надо учитывать, что мальчик растет без отца, мать много работает... Я считаю, что для таких подростков, как Игорь, воспитательная роль коллектива имеет первостепенную роль. Здесь, в секции, он нашел нравственную опору, понимаете? Я ведь не только учу их поднимать штангу, я пытаюсь привить ребятам некие принципы... Ведь сила без головы и без морали – это страшная, разрушительная вещь. К сожалению, многие сейчас этого не понимают.

– А Игорь – он понял? – поинтересовалась я.

– Надеюсь, что понял, – сказал Липягин. – Может быть, не все пока и не до конца... Но он на правильном пути, я уверен.

Глядя в его спокойные глаза, я невольно тоже почувствовала эту уверенность. Вообще, этот большой, сильный человек был как бы воплощением надежности и порядка. Но ясности в мое дело не внес даже он.

– Ну, а вообще, какого вы мнения об Игоре? – спросила я. – Вы сказали, что прекрасно его знаете. Можно это понимать так, что у него нет от вас тайн?

– Парнишка, конечно, непростой, – задумчиво произнес Липягин. – И однозначного ответа я дать не могу... Но тут другой вопрос – не пойму, куда вы клоните? У меня такое впечатление, что вы в чем-то Игоря подозреваете? Кстати, откуда вы-то о нем узнали? Из милицеских сводок?

– Ладно, не будем ходить вокруг да около, – сказала я. – К нам обратилась сама Чижова. Она уверена, что на нее напали далеко не случайно, хотя никаких разумных причин этому не видит. Теперь вот я пытаюсь отыскать эти причины...

Липягин недоверчиво посмотрел на меня.

– Я несколько раз встречался с Татьяной Петровной, – рассудительно заметил он. – Она показалась мне немного замкнутой и нервной. Ей приходится нелегко. Но эти разговоры о таинственных причинах... Она же не принцесса Диана, согласитесь! Я уверен, это было обычное по нашим временам нападение с целью ограбления. Игорь, кстати, тоже так думает...

– Есть некоторые обстоятельства, – намекнула я, – которые позволяют в этом сомневаться... Если, конечно, верить словам Чижовой.

– Ну-у, знаете! – Липягин недоверчиво покачал головой. – Нервы, усталость, постоянная тревога могут спровоцировать человека на неоправданную подозрительность...

– Возможно, – сказала я. – И все-таки, если поверить Татьяне Петровне, кому она, образно говоря, могла перейти дорогу? Вы общаетесь с ее сыном, – может быть, вы уловили какой-то намек, может быть, что-то вас насторожило?

Липягин старательно задумался, глядя в окно, за которым покачивались густые кроны деревьев, залитые послеполуденным солнцем.

– Честное слово, не знаю, что вам сказать! – произнес он наконец. – Никаких тайн, мне кажется, в жизни Игоря нет. Он прилично учится, мать уважает и старается беречь, не заметил я за ним ни особой страсти к деньгам, ни каких-то вывертов – ну, там, алкоголь, наркотики... В душу, конечно, не заглянешь... – Он опять нахмурился и вдруг сказал: – Не знаю, стоит ли об этом?.. История давняя, да и я знаю о ней только понаслышке... Лет десять назад Татьяна Петровна рассталась с мужем при каких-то драматических обстоятельствах. Но ни она, ни Игорь об этом не распространяются. Да скорее всего это и не имеет никакого отношения к делу. Они расстались раз и навсегда – насколько я понял, они больше ни разу не контактировали...

– Да, Татьяна Петровна упоминала об этом, – кивнула я. – Наверное, на самом деле это тут ни при чем... А больше вы ничего не можете вспомнить?

– К сожалению, нет, – ответил Липягин. – Вы можете мне верить, на криминал у меня взгляд наметан – как-никак я четыре года служил в милиции...

– Почему же уволились? – поинтересовалась я.

– Спорт перевесил, – улыбнулся Липягин и добавил: – К сожалению, особых удач и на этом поприще мне добиться не удалось. Но я доволен – делать из пацанов мужчин – тоже, согласитесь, не самое плохое занятие!

– Очень хорошее, сказала бы я! Мне только остается пожелать вам удачи и попрощаться.

– Ну что ж, всего хорошего! – отозвался Липягин. – Если что-то понадобится – всегда к вашим услугам... Только, поверьте мне, все, что случилось с Татьяной Петровной, – трагический эпизод, не более. Все будет хорошо – я надеюсь!

Мне тоже хотелось надеяться, но я знала то, чего не знал Липягин. Хотя его слова заставили меня задуматься. Конечно, никакие нервы не могут объяснить взломанные замки, но других доказательств взлома, кроме вмятин на двери, я не видела. Вполне возможно, Татьяна Петровна чего-то недоговаривает или намеренно искажает факты. Для чего это ей нужно – можно только гадать. Я встречала людей, готовых на все только ради того, чтобы попасть на страницы газеты. В нашем веке это становится просто манией. Правда, внешне Татьяна Петровна менее всего походила на такого человека. Но, как мудро выразился тренер Липягин, – в чужую душу не влезешь.

В редакцию я вернулась, полная сомнений. Было похоже на то, что мы просто теряем время и никакой загадки на самом деле не существует. В этом были убеждены, кажется, все, кроме Чижовой. Но она, как выразились бы законники, была лицом заинтересованным.

Все наши оказались на местах, в том числе и Кряжимский, который выглядел очень довольным. На мой вопрос, что нового он узнал в милиции, Сергей Иванович только махнул рукой.

– Полное безобразие! – в сердцах произнес он. – Поверите ли, Ольга Юрьевна, мне было очень стыдно выслушивать этот лепет, но, видимо, отказ в возбуждении уголовного дела становится обычной практикой! Меня долго футболили туда-сюда, пока наконец какой-то капитан не сообразовал все-таки меня выслушать. Он был очень осторожен и уклончив, но в конце концов вынужден был признать, что случай разбойного нападения на Кутузовской имел место. Однако, как многозначительно сообщил он мне, уголовное дело по этому случаю не возбуж-

далось, так как потерпевшие сами отозвали свое заявление. Мало того, что юридически это звучит вопиюще неграмотно, так это еще, мягко говоря, неправда! Никакого документального подтверждения этот капитан не представил, сославшись на служебную тайну... Что вы на это скажете?

– Конечно, это безобразие, – заметила я. – Но все-таки это немного другая история. Нас интересует только тот момент, что нападение действительно имело место, а не является вымыслом. Хотя, признаться, я в этом и не сомневалась... Увы, ничего нового мы не узнали!

– Но вы все-таки общались с Чижовой? – спросил Кряжимский. – Какие-то соображения у вас появились?

– Самое ужасное, что никаких! – ответила я. – Чижовы живут очень бедно, квартиру занимают самую заурядную, в «хрущевке», на пятом этаже. В то же время на входной двери определяются следы взлома. По словам Чижовой, из квартиры ничего не пропало. Она же сказала, что новый замок ей вставил сосед из квартиры напротив. Этот факт можно проверить, но скорее всего он подтвердится. Кто-то действительно проникал в квартиру. Боюсь, однако, что это все-таки совпадение. Сын Чижовой убежден, что на его мать напал случайный человек, наркоман. Того же мнения придерживается и тренер сына, кстати, по-моему, положительный человек. Он же убеждал меня, что Игорь Чижов ни в чем предосудительном не замешан. В общем, получается полная чепуха. Конечно, назвать Чижову маньячкой нельзя, но та цепочка, которую она выстроила в своем воображении, скорее всего является фантазией...

На лице Ромки отразилось глубочайшее разочарование – подобно великому Шерлоку Холмсу, он находил жизнь без загадочных преступлений невыносимо пресной. Виктор воспринял мое заявление с философским спокойствием, а Марина – с видимым облегчением. Как девушка рассудительная, она совершенно справедливо полагала, что преступления только мешают наслаждаться жизнью.

Однако у Кряжимского было особое мнение.

– Давайте не будем спешить с выводами, Ольга Юрьевна, – строго начал он. – Лично я не уверен, что эта несомненно сильная женщина склонна к фантазиям. Наоборот, она вполне реально смотрит на вещи. Она не слишком обеспокоилась, когда некий уголовный тип обратил на нее пристальное внимание в трамвае. Даже когда этот мерзавец напал на нее и ранил сына, она не ударилась в панику. И лишь когда следом кто-то проник в ее квартиру, она всерьез обеспокоилась. А как бы вы поступили на ее месте? Посчитали бы все эти факты простым совпадением? Сомневаюсь. Из этого я делаю вывод, что успокаиваться рано.

– Но что же делать? – спросила я. – Во всем этом нет никакой логики!

– Наверное, логика есть, – задумчиво произнес Кряжимский. – Просто мы ее не видим. Я думаю, стоит еще раз побеседовать с Чижовой. Выяснить, что произошло накануне известных событий. Пусть расскажет подробно, что случилось с ней в те дни. Возможно, сама того не ведая, она как-то ввязалась в чужую игру... Ну, я не знаю, может быть, услышала что-то, может быть, оказалась нежелательным свидетелем... Или причины могут скрываться, наоборот, в далеком прошлом, о котором она уже сама забыла. Что мы знаем о ее прошлом?

– Да почти ничего, – сказала я. – Она приехала в Тарасов из Нижнего Новгорода, расставшись с мужем. По слухам и косвенным намекам самой Чижовой, это был драматический момент, но о подробностях она не распространяется.

– Нужно попробовать разговорить ее, – заметил Кряжимский.

– Карты! – неожиданно сказал Виктор.

Все головы повернулись в его сторону, а Маринка недоуменно спросила:

– При чем тут карты?

– То есть ты считаешь, что ее могли проиграть в карты? – уточнила я. – И она, естественно, ничего об этом не знает. А почему именно ее? Кажется, мы выяснили, что она не водит знакомств с уголовниками. Что же, просто ткнули наугад пальцем?

– Во-первых, толком мы ничего еще не выяснили, – заметил Сергей Иванович. – А во-вторых, ничего хитрого – именно ткнули наугад пальцем! Может быть, увидели из окна соседнего дома. Может быть, условие было – прикончить первого встречного, а первой встречной оказалась именно Чижова...

– Виктор, ты меня пугаешь! – сказала я. – Получается, что у нас нет никакой надежды вычислить этих подонков?

Ответ Виктора был вполне в его стиле – он молча пожал плечами.

– А что, может, есть смысл покрутиться в окрестных дворах. Не исключено, что эта темная компания отирается где-то поблизости, – предложила я.

– Я же предлагал это с самого начала! – не утерпев, воскликнул Ромка, обводя нас умоляющим взглядом.

– Сможешь взять это на себя? – спросила я Виктора, который утвердительно кивнул в ответ. – Тогда сегодня же вечером отправляйся в тот район, поговори с местными алкашами. Жалко, у нас нет хотя бы словесного портрета... Знаем только, по словам Чижовой, что этот человек выглядел неряшливым и грязным и взгляд у него был тяжелый и отталкивающий.

– Под это описание попадет половина мужиков в городе, – скептически заметила Маринка. – Это просто ужас, сколько в транспорте попадает неряшливых типов! Про взгляды я уже не говорю.

– Будем действовать от противного, – решила я. – У нас есть пленка для ночной съемки. Виктор, попробуй поснимать в том районе. Возможно, Чижова кого-то узнает.

– Это рискованно, – заметила Маринка. – Неряшливым типам это может не понравиться.

– Я буду осторожен, – пообещал Виктор.

– Ну что же, на том и порешим, – заключила я. – Виктор занимается настоящим, а я прошлым – недавним и совсем далеким. Завтра с утра меня не ждите – навещу Чижову прямо на работе. Заодно побеседую с коллегами. Если понадобится – звоните в детский дом.

Глава 4

Однако позвонили мне гораздо раньше. Кажется, будильник показывал половину третьего, и, естественно, я спала сладким сном. Звонок прогремел над ухом, как выстрел. Я подскочила на своей одинокой постели и, не сразу поняв, на каком я свете, инстинктивно нащупала кнопку выключателя.

Мягкий свет торшера привел меня в чувство. Мельком посмотрев на часы, я с недоверием протянула руку к телефонной трубке. Жизнь моя очень часто бывает чересчур беспокойной, но по ночам я привыкла все-таки спать. Поэтому неожиданный звонок вызвал у меня суеверный страх.

Тем не менее я поднесла трубку к уху и, стараясь говорить твердо, сообщила, что вот она я, и услышала... абсолютно бодрый голос Виктора.

У меня немного отлегло от сердца.

В присущем ему топорно-лапидарном стиле наш фотограф-телохранитель сообщил, что сумел сделать фотографию какого-то типа, который присматривался к дому Чижовой и даже заходил в подъезд. Получилось у него не очень, но вообще-то под описание подходит – рожа еще та!.. Вот он и подумал, что мне стоит показать эту фотографию Чижовой, когда я завтра, точнее, уже сегодня, с ней встречусь. Поэтому он, умничка, сразу отправился домой, проявил пленку и напечатал несколько снимков, которые прямо сейчас и доставит мне. Прогуляется пешочком, пока транспорт не ходит, – все равно, мол, уже нет смысла ложиться.

Виктор живет на другом конце города, но ходит он быстро, и потому это сообщение ввергло меня в уныние: получалось, что мне тоже уже нет смысла ложиться. Но моего коллегу это, кажется, волновало в последнюю очередь – он был в восторге от своей удачи и хотел поделиться этими чувствами со мной. Не в моих правилах гасить инициативу сотрудников, поэтому я сказала в трубку, что буду ждать.

– Впрочем, можешь не торопиться, – не без яда в голосе заметила я. – Ночные прогулки весьма полезны.

Положив трубку, я, чертыхаясь, отправилась в ванную. Сна как не бывало. В доме царила невероятная, оглушающая тишина. Я ощущала себя посторонней, без спроса вторгшейся в сонное царство. Любой шум, любое неловкое движение казалось сейчас святотатством. Нет, ночь все-таки не мое время.

Я привела себя в порядок, переоделась и пошла на кухню, чтобы согреть воду для кофе. За окном неподвижные силуэты спящих домов четко вырисовывались на фоне жемчужно светящегося неба.

Стараясь делать все как можно медленнее, я сварила кофе и поджарила тосты. Потом устроила себе скромный завтрак, хотя есть мне совершенно не хотелось. Как я ни старалась, времени у меня оставалось еще вагон, и, чтобы отвлечься, я принялась размышлять о нашем деле и о гражданке Чижовой, которая сейчас ночевала на жестком казенном диване, одинокая и отчаявшаяся. Может быть, ей тоже не спалось, и она думала о сыне, о его больной руке и молилась, чтобы все было в порядке. Или гадала о том, что ждет ее завтра и откуда ждать предательского удара.

Я вспомнила гипотезу, выдвинутую Виктором, и невольно поежилась. Эта идея, несмотря на всю свою дикую сущность, вовсе не казалась неправдоподобной, а главное, не позволяла искать решение с помощью логики. Возможно, вопреки этой самой логике, Виктору удалось напасть на след, и фотографии многое прояснят.

Размышляя над этим, я незаметно для себя самой задремала, уронив голову на руки. Даже крепкий кофе не помог.

Разбудил меня звонок в дверь. За окнами было уже довольно светло. В лимонно-желтом небе зависли легкие перистые облачка. Лучи невидимого солнца заставляли их сверкать холодным серебряным светом.

Потирая покрасневшую щеку, я пошла открывать. На пороге стоял Виктор с невозмутимым видом. В руках у него была небольшая кожаная папка.

– Заходи! – сказала я. – Хорошо прогулялся? Кофе хочешь?

– Мечтаю! – признался Виктор.

Мы обосновались на кухне, и я опять зажгла плиту. Виктор развалился на стуле, вытянув свои длинные ноги, и с торжествующим видом бросил папку на стол.

Его рассказ мне придется давать в собственном переводе с родного языка нашего фотографа на что-то хотя бы отдаленно напоминающее русский.

Итак, все по порядку.

Сначала мой бесценный сотрудник нашел дом Чижовой и немножко побродил по кварталу. Оказывается, это не самый тихий уголок в Тарасове! Можно сказать, Лас-Вегас в миниатюре! Там открыли казино. Море огней, сверкающие лимузины, испуганные аборигены робко жмутся к стенам домов, глядя на это великолепие... Однако Виктор понял, что наши герои должны вести более скромную жизнь, и углубился в окрестные дворы.

С помощью злодейки с наклейкой ему удалось разговорить парочку неопрятных граждан, страдающих от постоянной жажды. Они объяснили, что мужиков, оттянувших срок, в районе полно, но серьезных среди них мало. В основном сидели кто за мелкое хулиганство, кто за украденный аккумулятор. На убийство вряд ли кто пойдет, разве что если сильно обидеть. Но, в общем, народ покладистый и больше интересуется насчет выпить. Бывает, собираются вместе, но в карты не играют – ничего такого не слышно. Карты – это больше для блатных, а настоящих блатных – раз-два и обчелся.

Мой сыщик спрашивал, не бывает ли каких-нибудь конфликтов с молодежью. Они согласились, что молодежь нынче шустрая, но конкретно в этом районе ничем особенным не выделяется. Вообще пацанов маловато, и они не очень бросаются в глаза. По словам гидов, в дни их молодости все было совсем по-другому. Пацанов был полон двор, и они ходили драться «стенка на стенку» в соседний район.

В общем, подтверждения своей гипотезы он пока не нашел, зато много перемещался по округе, видел массу людей с отталкивающими взглядами и многих заснял на пленку. Съемку он, конечно, вел скрытую, и ракурсы не всегда удачные, но коллекция получилась, по его мнению, неплохая. А самое интересное ждало его впереди!

Дело шло к полуночи, жизнь замирала, новые товарищи Виктора здорово захмелели и несли полную ахинею. Тогда он сказал им, что идет за добавкой, и скрылся. Решил еще подежурить возле дома Чижовой.

Мой суперагент тихонько расположился во дворе, который к этому времени совсем опустел, и стал наблюдать, как гаснут окна в домах. Окна Чижовой, выходящие во двор, с самого начала были темными и большого интереса у Виктора не вызывали. Зато после полуночи появился человек, который именно их и рассматривал, причем любопытство у него вызывали прежде всего окна верхних этажей. Не исключено, что он давно там отирался. Вел он себя весьма осторожно. Убедившись, что все спокойно, он вошел в подъезд и стал подниматься.

Немного погодя, Виктор последовал за ним. Слава богу, навыки разведчика он пока не растерял, и ему удалось остаться незамеченным. Нагнал он его уже на пятом этаже. Полной уверенности, что это именно тот самый человек, который нам нужен, не было. Поэтому Виктор решил ограничиться фотосъемкой.

Быстро поднявшись на площадку, он сделал снимок. Этот тип как раз обернулся, и лицо его удачно попало в объектив. Вряд ли он догадался о действиях Виктора, потому что фото-

аппарат находился в специальной сумке, но внезапное появление человека на лестнице условно насторожило его, и он быстро пошел обратно.

Виктор перехватил его и задал невинный вопрос, не здесь ли он проживает, – я, мол, ищу одну квартиру. Он молча мотнул головой и поспешно спустился по лестнице вниз. Подождав немного, Виктор тоже вышел во двор. Он ожидал какого-нибудь подвоха, но этот человек уже убрался. Наш фотограф специально обшарил весь двор и заглянул в другие подъезды – его нигде не было.

Тогда он подумал, что в любом случае никакой угрозы этот тип сейчас не представляет и не стоит терять время, поймал такси, приехал домой и сразу засел в лаборатории. А теперь принес мне отчет о проделанной работе.

Я раскрыла кожаную папку и начала раскладывать по столу фотографии. Здесь было не меньше десятка довольно неаппетитных физиономий, снятых на фоне каких-то стен, кустов и подворотен. Освещение во время съемки было совсем неважное, поэтому портреты выглядели довольно зловеще. Трудно было представить, чтобы за этими людьми не было ничего серьезнее кражи аккумулятора. Но Виктор, бесцеремонно сдвинув фотографии в сторону, многозначительно ткнул пальцем в снимок, являющийся жемчужиной этой экзотической коллекции. Я посмотрела на него внимательнее.

С фотографии подозрительно на меня таранился невысокий коренастый мужчина с короткой стрижкой и круглым злым лицом. На лестничной площадке, где он был снят, горела лампа, поэтому изображение получилось более четким. Виден был даже небольшой шрам на левой щеке мужчины и многочисленные преждевременные морщины, которыми было покрыто его лицо.

Он действительно как нельзя лучше соответствовал описанию, данному Чижовой. И взгляд был неприятный, и пиджачок казался мятым и грязным. Справедливости ради следовало признать, что все остальные портреты тоже ни в чем ему не уступали, но тот факт, что этот тип вертелся около квартиры Чижовой, наводил на размышления.

– Ну что ж, ты хорошо поработал! – похвалила я Виктора. – Захвачу эту папку с собой. Может быть, Чижова узнает кого-нибудь. Жалко, что ты упустил этого типа. Но мне пришлось сейчас в голову, что мы могли бы показать его фотографию в милиции. Чем черт не шутит, может, он числится в розыске? Слушай, какой же ты молодец, что сделал дубликат. Давай, пока я общаюсь с Чижовой, ты попробуй что-нибудь разузнать в милиции...

Виктор выразил согласие своим обычным способом – кивком головы.

Пожалуй, теперь я окончательно простила ему ночной звонок. Кажется, что-то наконец сдвинулось с места, хотя, как говорит Кряжмский, не будем торопиться с выводами. Окончательно судить об этом можно будет, только когда Чижова узнает кого-нибудь на фотографиях. Но это еще вилами на воде писано.

Я уверена, что этот тип неспроста там крутился. Что он делал в чужом доме ночью? Да еще, по словам Виктора, трезвый как стеклышко. И вид у него был, как у человека, у которого рушатся все жизненные планы. Он упустил свой шанс и теперь торопится реабилитироваться. Во всяком случае, именно такое впечатление у Виктора сложилось... Хотя не исключено, что в действительности все обстоит с точностью до наоборот.

– Ладно, принимаю твой отчет к сведению, – сказала я, складывая фотографии обратно в папку. – Сейчас еще по чашечке кофе, и можно двигаться дальше – в детском доме, наверное, встают рано...

За окном уже совсем рассвело. Сквозь раскрытую форточку доносился шум просыпающегося города. Где-то совсем рядом щебетали воробы. Ожил динамик радиоточки и торжественно сыграл утренний гимн.

Мы с Виктором взбодрились еще одной порцией кофе и отправились по своим делам. На троллейбусной остановке мы расстались – я поехала на Кутузовскую, а Виктор пешком двинулся в сторону набережной.

– Погуляю пока, – сообщил он. – В редакцию еще рановато, а в милицию тем более. Подожду, пока явится смена.

Детский дом я нашла без труда: уютное двухэтажное здание, стоявшее несколько особняком от высотных домов нового микрорайона. Залитый солнцем двор с цветочными клумбами и асфальтовыми дорожками был пуст. Издали дом казался необитаемым.

Однако, едва я переступила порог и оказалась в небольшом аккуратном вестибюле, как меня сразу окружили приметы незнакомой и бурной жизни – где-то гремела посуда, звенели детские голоса, шумела вода. И еще ощущался специфический запах – одновременно густой и безликий, – запах пищи, стираного белья и дезинфекции.

Меня никто не встретил. Более того, нигде не было никого, кто мог бы объяснить, в какую сторону мне двигаться. Я в нерешительности заглянула в длинный сумрачный коридор, поднялась на несколько ступенек по лестнице, ведущей на второй этаж, но так и не увидела ни одной живой души. Я решила пойти наудачу туда, откуда доносились детские голоса, но в этот момент сверху послышалось шлепанье легких подошв, и по лестнице сбежали две русоволосые девочки лет двенадцати. На обеих были короткие платьица – на одной желтое, на другой синее – старенькие, но чистые, и стоптанные сандалии на босу ногу. У одной волосы были заплетены в косички, украшенные розовыми лентами, у другой коротко острижены. Увидев меня, обе замерли и уставились мне в лицо со жгучим любопытством. В этом взгляде угадывалась такая отчаянная, глубоко спрятанная надежда, что мне моментально сделалось очень не по себе.

– Здравствуйте! – сказали хором девочки и тут же деловито поинтересовались: – А вы к кому?

Сосредоточенная на своем расследовании, я совершенно не была готова к такой встрече. Теперь же меня охватил жгучий стыд оттого, что я не додумалась захватить с собой хотя бы кулек конфет. Глядя в широко распахнутые, доверчивые глаза этих детей, с которыми жизнь не церемонилась с самого начала, я чувствовала себя бессовестной обманщицей.

– К кому? – пробормотала я растерянно. – Мне нужно увидеть воспитательницу... Чижову Татьяну Петровну... Вы ее знаете?

Девчонки с готовностью кивнули.

– Мы всех тут знаем! – заявила стриженная девочка.

– Идемте, мы вас отведем! – тут же предложила ее подруга, бесстрашно протягивая мне руку.

– Татьяна Петровна здесь ночует! – доверительно сообщила на ходу стриженная. – У нее дома воры!

– Вам даже это известно? – удивилась я.

– Ага, – буднично вздохнула девочка. – Татьяна Петровна сама говорила. Она боится дома одна! Я бы, наверное, тоже боялась...

– А я бы не боялась! – с некоторым превосходством произнесла девочка с косичками. – К моей мамке дядя Паша ходил. Он вор был! Он веселый и совсем не страшный, вот! Даже конфетами меня угощал...

Лучше бы она этого не говорила. Мне стало совсем совестно из-за того, что у этой девочки останутся обо мне неважные воспоминания – даже вор дядя Паша несомненно выигрывал на моем фоне.

К счастью, неловкую для меня ситуацию разрешила появившаяся из какой-то боковой двери толстая пожилая женщина в синем рабочем халате.

– Кристина! Марча! – воскликнула она с укоризной. – Опять своевольничаете? Ольга Николаевна там с ног сбилась – собрать вас не может! Ну-ка, быстро марш, подруги!

– Тетя Лида! Тетя Лида! – затараторили наперебой девчонки. – Эта тетя Татьяну Петровну ищет! Она не знает, куда идти, и мы ее провожаем!

– Без вас есть кому проводить! – пробурчала суровая няня. – Ишь, деловые какие! Ступайте в группу. Ольга Николаевна волнуется – нехорошо! А мы тут сами разберемся!

Девочка с косичками с сожалением выпустила мою ладонь и тут же старательно помахала мне рукой. Вторая к ней присоединилась.

– До свидания, тетя! – прокричали они хором.

Я помахала им в ответ, не в силах выдавить из себя ни слова. У меня болезненно сжалось сердце и в горле встал какой-то противный ком.

Девчонки же, чрезвычайно довольные, умчались вприпрыжку по коридору, звонко шлепая подошвами по свежевывитому линолеуму. Толстая няня вопросительно посмотрела на меня.

– Чего-то ты, милая, какая-то потерянная, – сказала она подозрительно. – Чувствуешь-то себя хорошо?

– Как вы здесь работаете? – действительно потерянно пробормотала я.

– Да так и работаем, – рассудительно сказала она. – Работа обычная, не хуже других.

– Так ведь так тяжело! – вырвалось у меня. – Столько детей, и у каждого своя боль. Как вы все это выдерживаете?

– У любого человека своя боль, – назидательно произнесла тетя Лида. – Какого ни возьми. Да эдак рассуждать – вообще работать не надо! А мы уже привычные, годами тут работаем... Кому-то ведь надо.

– Да, это верно! – упавшим голосом сказала я. – И много здесь детей?

– Человек двести будет, – буднично сказала няня. – А ты, значит, Чижову ищешь? Здесь она. Пойдем, провожу тебя в комнату для свиданий... Там подождешь. А то, если заведующая посторонних увидит, нагоняй нам будет!

Она опять отвела меня на первый этаж и определила в большую, очень светлую комнату, где стояли удобные кресла и по стенам были развешаны кашпо с цветами и оформленные в рамки яркие детские рисунки. Судя по почти невытертой обивке кресел, свидания здесь были не слишком частым событием.

– Посиди здесь, – распорядилась няня. – А я Чижовой скажу, что ты ее дожидаться.

Она ушла, а я принялась лихорадочно соображать, чем мы в своей редакции можем хотя бы частично загладить ту огромную обиду, которую невольно нанесли этим детям, лишенным с ранних лет того, на что имеет право каждый, – собственного дома. Все, что я придумывала, казалось мне мелким и незначительным, и вскоре я поняла, что столкнулась с проблемой, которая гораздо сложнее и неподъемнее любого самого заковыристого преступления. Мои размышления прервало появление Чижовой. Она тихо вошла в комнату и поздоровалась. Я поднялась ей навстречу и подала руку. Татьяна Петровна слабо пожала ее и посмотрела на меня напряженным взглядом.

При солнечном свете ее лицо показалось мне постаревшим и бледным. Но, возможно, дело было в том, что она плохо выспалась сегодня. На ней было все то же серое платье.

– Давайте присядем, – предложила я. – Хочу вам кое-что показать.

Татьяна Петровна насторожилась и осторожно опустилась в кресло. Я села рядом и раскрыла кожаную папку.

– Посмотрите внимательно, – сказала я. – Хочу вам кое-что показать.

Татьяна Петровна рассматривала снимки один за другим, сосредоточенно наморщив лоб. Некоторые она держала в руках дольше других, но в конце концов лишь сдержанно покачивала головой. Одну из физиономий она все-таки узнала.

– Это Василий, – сказала она, вопросительно посмотрев на меня. – Водопроводчик из нашего дома... А-а... при чем тут он?

– Он скорее всего ни при чем, – согласилась я. – А что вы скажете насчет этого типа? – и я передала Татьяне Петровне жемчужину нашей коллекции.

Она заметно вздрогнула, взглянув на фотографию, и тут же испуганно посмотрела на меня. – Кажется... кажется, это он! – изумленно прошептала она и снова уставилась на фотографию. – Где это? Вроде наша площадка... Он что – приходил туда снова?

– Получается, что так, – ответила я. – Наш фотограф подкараулил его сегодня ночью. Значит, вы уверены, что это тот самый человек, Татьяна Петровна?

Чижова дрогнувшей рукой возвратила мне фотографию.

– По крайней мере, очень похож, – с тревогой сказала она. – Боже мой, он не собирается оставлять нас в покое! А Игорь настаивает, чтобы мы вернулись домой. Хочет выписываться, не закончив лечения. Меня он не хочет даже слушать! – Мысли ее опять были далеко.

– Татьяна Петровна! – я попыталась вернуть ее к нашему разговору. – Я вполне понимаю ваше беспокойство. Но давайте не будем отвлекаться. По крайней мере, теперь у нас имеется портрет преступника. Это уже кое-что. Наш сотрудник попытается сегодня выяснить, не находится ли этот человек в розыске. Дело все-таки сдвинулось с мертвой точки! Но вы должны еще раз нам помочь.

– Что вы имеете в виду? – устало спросила Чижова.

– Вспомните тот день, когда впервые заметили слежку, – сказала я. – А теперь напрягите память и восстановите, что было до этого – на протяжении, скажем, недель двух-трех... Какие-то необычные моменты, контакты с новыми для вас людьми, какие-нибудь странные происшествия, случившиеся в вашем присутствии, – понимаете? Возможно, вы стали невольным свидетелем чего-то такого, чего видеть были не должны...

Татьяна Петровна закусила губу и наклонила голову в тяжелом раздумье. Она честно старалась вспомнить что-то необычное в своей повседневной рутине. Наконец она безнадежно махнула рукой и подняла на меня измученные глаза.

– Честное слово, мне так неудобно! – сказала она. – Морочу вам голову! Но, понимаете, абсолютно ничего не могу вспомнить! Ничего не видела, ни с кем не встречалась... В моей жизни редко бывает что-то необычное. Ну, что было накануне? Сын экзамены за девятый класс сдавал – я очень волновалась. Слава богу, сдал все на четверки! Но ведь не за это же на нас набросились с ножом? А больше ничего необычного... Хотя, постойте! Было кое-что! Только это такая чепуха!

– А все-таки, – насторожилась я.

– Да ничего особенного, – отмахнулась Чижова. – Хотела подработать. У нас напротив как раз казино открылось, и мне сказали, что туда уборщицы требуются. Работать рано утром, и платят вроде прилично. Ну, я и пошла. Сначала меня взяли, даже с удовольствием. Им как будто понравилось, что я с образованием и живу поблизости. Один раз я на работу вышла – и все. На следующий день меня уволили.

– Вот как? – удивилась я. – И почему же?

– Сказали, что моя работа их не удовлетворяет, – криво усмехнулась Чижова. – Не знаю, я вроде старалась на совесть... Но кто их поймет, «новых русских»? У них ведь свои капризы...

– И когда все это случилось? – спросила я.

– Да вот как раз за два дня до того, как я этого бандита увидела, – сказала Татьяна Петровна и опять улыбнулась. – Вы считаете, что им показалось мало меня уволить – они решили вообще стереть меня с лица земли?

– Ну, думаю, что не настолько уж они капризны! – ответила я. – Однако совпадение любопытное... А за время своего недолгого пребывания в штате казино вы ничего криминального не заметили? Не проникли случайно в какую-нибудь тайну?

– Да куда я проникла! – сказала Чижова. – Делала, что говорил распорядитель. Видела только его да других уборщиц. Утром в казино пусто. Да и убиралась я только в одном зале, так

что ничего особенного я там не видела. Роскошь у них, конечно, исключительная! Как сейчас говорят – отпад!

– Понятно, – кивнула я. – Примем это к сведению. Но раз вы ничего больше не припоминаете, может быть, вернемся к более далекому прошлому. Понимаю, это вам неприятно, но все-таки я обязана спросить...

Чижова настороженно посмотрела на меня и нервно переплела пальцы.

– Вы хотите спросить меня о муже? – догадалась она. – Действительно, мне это крайне неприятно, и мне не хотелось бы об этом говорить. Понимаете, в жизни есть такие ситуации, которые хочется напрочь зачеркнуть. Это как раз такой случай. Уверяю вас, к нынешним событиям мое замужество не имеет ни малейшего отношения!

– Вы можете ошибаться, – мягко возразила я.

Чижова упрямо мотнула головой.

– Нет, как раз с момента развода я перестала делать ошибки, – сказала она.

Лицо ее сделалось замкнутым и агрессивным, и я поняла, что мне не удастся вытянуть из нее ни слова.

– Хорошо, – примирительно произнесла я. – Не смею настаивать. Но позвольте узнать: если нам все-таки понадобится побеседовать с вашим мужем, вы не будете возражать?

Она посмотрела на меня исподлобья и неприветливо сказала:

– Если ему доставит удовольствие ворошить свое грязное белье – мне какое дело? Только вряд ли. У него еще больше поводов забыть прошлое. И неужели вы ради этой ерунды поедете в Нижний Новгород?

– Не знаю, как обернется дело, – ответила я. – Я спрашиваю на всякий случай. А как фамилия вашего мужа?

– Так и есть – Чижов, – хмуро сказала Татьяна Петровна. – Я не стала менять фамилию. Игорек уже все понимал, и он привык, что он – Чижов. Я не стала морочить ему голову. В конце концов, какое это имеет значение?.. А отца его зовут Чижов Петр Алексеевич, он шестьдесят первого года рождения. Вот где живет, извините, не знаю – наверняка он сменил адрес. Да, может, и из города уехал... – Она замолчала, отвернувшись от меня.

Воцарилась неловкая пауза. Пытаясь как-то восстановить контакт, я кашлянула и заговорила о другом:

– Непростая у вас работа, Татьяна Петровна! Я побыла здесь пять минут, поговорила с двумя детьми, а уже на душе такой камень! Как вы-то выдерживаете здесь каждый день?

Чижова иронически покосилась на меня и почти равнодушно заметила:

– Привычка! И вы бы привыкли. Это только новичкам кажется, что они попали в какое-то особенное место. Детские дома были и будут – никуда от этого не денешься. Если бы со мной что-то случилось, мой сын тоже бы попал в детский дом. Это жизнь, Ольга Юрьевна!

Наверное, она была права. Но спокойнее у меня на душе не стало. Разумнее всего было продолжать заниматься своим делом, и я опять к нему вернулась, спросив у Татьяны Петровны:

– Вы собираетесь теперь ночевать дома или все-таки воздержитесь?

Она пожала плечами.

– Игорь настаивает. Загорелся теперь – выпишусь, выпишусь! Нечего тебе, говорит, по чужим кроватям отираться. Да и здесь, я говорила, ремонт начинается. Скорее всего придется вернуться домой. Страшно, конечно, но что же делать? Если бы у нас дома хотя бы телефон был... Игорь-то хорохорится, да какой из него защитник! Мальчишка он еще... Да и рука вот...

– Ну, ничего! – ободряюще сказала я. – Что-нибудь придумаем. Вечером я к вам загляну, если не возражаете.

– С чего бы я стала возражать? – удивилась Чижова. – Заходите в любое время. Я буду только рада. Только сегодня я до четырех работаю, потом загляну к сыну, так что дома мы вряд ли будем раньше пяти...

– Тогда до вечера, – сказала я, поднимаясь. – Поеду в редакцию. Если что – звоните туда.

Вернувшись в редакцию, я сразу поняла: что-то случилось. Об этом говорило взволнованное лицо Ромки, сосредоточенный взгляд Кряжимского и нарочито флегматичный вид Виктора, который, довольно бесцеремонно сидя на краю Маринкиного стола, покачивал ногой.

– Что это вы такие торжественные? – подозрительно спросила я, оглядывая сотрудников. – Уж не получили ли мы премию от Союза журналистов?

– Премию пока не получили, – с улыбкой произнес Кряжимский. – Зато у нас небольшие неприятности.

– Не тяните кота за хвост, – посоветовала я. – У меня и без того неважное настроение.

– Виктор показал фотографию нашего неизвестного друга компетентным людям, – бесстрастно сообщил Сергей Иванович.

– Ну и что? – с нетерпением спросила я. – Он числится в розыске? Кто он такой?

– Видите ли, какое дело, – невыносимо медленно проговорил Кряжимский. – В милиции тоже очень бы хотели знать, кто он такой. И, кстати, они хотят знать, откуда у нас его фотография. В случайность они не верят. С Виктора уже снимали допрос и взяли подписку о невыезде.

– Знаете что, – с угрозой сказала я. – Если вы сейчас же не перестанете изъясняться загадками, я устрою такую истерику...

Виктор сперва не воспринял это на свой счет, поскольку не изъяснялся не только загадками, но и вообще никак. Рассказав все Кряжимскому, он считал свою миссию выполненной и лишь смущенно почесывал затылок, но понял, что сейчас я и в самом деле взорвусь.

– Кто же мог знать, что так получится? – с сожалением сказал он. – Дело в том, что сегодня утром труп этого типа со следами насильственной смерти обнаружен на шестидесятом километре Дольского тракта.

Глава 5

Ничего подобного мы, конечно, предположить не могли. В принципе, все выглядело логично – неудачливый киллер, проваливший задание, да вдобавок засветившийся, только так и мог кончить. Зато теперь мы опять оставались ни с чем, да вдобавок из сыщиков сами превратились в подозреваемых. Худшего момента, чтобы продемонстрировать в милиции фотографию, и придумать нельзя было.

Правда, Виктор не стал раскрывать наших замыслов, упирая на то, что фотосъемка переродилась у него в условный рефлекс и теперь он сможет опознать каждое подозрительное лицо, где бы оно ему ни попало. Виктору, конечно, не поверили, и было еще большой удачей, что его не заключили под стражу.

На будущее я все-таки посоветовала ему рассказать все как есть, чтобы милиция тоже заинтересовалась делом Чижовой. Если до сих пор оно казалось им слишком незначительным, то теперь в нем фигурировал труп. Лично я не возражала против вмешательства милиции – это означало лишь, что семья Чижовых будет в большей безопасности. Отказываться же от проведения собственного расследования я вовсе не собиралась. У меня складывалось впечатление, что мы находимся совсем рядом с разгадкой – и остается сделать лишь шаг в нужном направлении. Весь вопрос был только в том, где это направление.

Виктор сообщил еще, что УВД сейчас пытается опознать личность убитого, а после этого наверняка захочет опять побеседовать – и не только с фотографом, но и с остальными сотрудниками газеты.

– Ну что ж, – заключила я. – Нам скрывать нечего. Чем больше информации мы сможем предоставить милиции, тем лучше для дела. Поэтому предлагаю сейчас же обсудить план дальнейших действий с учетом тех сведений, которые я получила от Чижовой.

Мы перешли в мой кабинет, и я изложила сотрудникам все, что удалось выяснить у Чижовой. Потом предложила высказаться. Первым, конечно, оказался Ромка.

– Это муж! – безапелляционно объявил он. – Вот увидите! Там какая-то тайна. Недаром Чижова не хочет распространяться на эту тему.

– Да уж какая там тайна! – снисходительно фыркнула Марина. – Эта тайна, мальчик, известна большинству женщин! К сожалению... – вздохнула она. – Муж у нее – полное ничтожество, вот и вся тайна.

– Что, Ромка, съел? – спросила я, подмигивая. – Маринка у нас специалист по мужчинам, с ней не поспоришь. Но, честно говоря, версия мужа меня тоже не зажигает. Слишком много лет прошло. В любом случае, что бы там ни было, позновато он спохватился, вы не находите? Но и насчет казино у меня тоже большие сомнения. Это называется: в огороде бузина, а в Киеве дядька... А уволить Чижову могли запросто – нувориши ужасно щепетильны, и им вечно кажется, что вокруг них крутятся одни бездельники...

Кряжимский слушал всех внимательно и скромно помалкивал. Однако по глазам было видно, что у него уже имеется собственное мнение, которое в корне отличается от остальных. Заговорил он лишь тогда, когда понял, что все высказались.

– Если позволите, я выскажу некоторые соображения, – откашлявшись, произнес он. – Прошу обратить внимание на то, что с нашей клиенткой все время происходят какие-то странные, мало что значащие происшествия. Даже вооруженное нападение, строго говоря, расценили как неприятное, но не слишком значительное происшествие – мало ли сейчас нападают! Но мы с вами уже успели убедиться, что дело очень серьезно. Поэтому призываю вас отнестись внимательно к каждой мелочи, которая хотя бы немного выбивается из обычного ряда. Дело в том, что Чижова в течение многих лет вела самый заурядный образ жизни, наполненный трудом и заботами о сыне. Ничего из ряда вон выходящего в этой жизни не было. И вдруг

началось – внезапно и необъяснимо. Но объяснения должны быть! И я уверен, что объяснение нужно искать в этих самых мелочах, которые кажутся странными. Поэтому я не стал бы пренебрегать и мнением нашего юного коллеги. Придерживаюсь мнения, что было бы очень неплохо побеседовать с бывшим мужем Чижовой.

Разумеется, после этих слов Ромка задрал нос и обвел нас победоносным взглядом. Правда, триумф его был недолгим, потому что в ответ Маринка весьма непочтительно продемонстрировала ему язык. Я попросила всех быть серьезнее, и Кряжимский продолжил свою мысль.

– И должен признаться, что меня настораживает история, происшедшая с Чижовой в казино. Вполне возможно, что Татьяна Петровна не справилась со своими обязанностями. Не исключено, что владельцы казино предъявляют к своим работникам завышенные требования. Все это может иметь место. Но для нас в первую очередь важно то, что эта история произошла именно с Чижовой! И не просто произошла, но потянула за собой цепь других не менее странных событий!

– Вы полагаете, она все-таки увидела нечто такое, чего не должна была увидеть? – спросила я. – Но сама Чижова категорически это отрицает. Она уверена, что видела не больше, чем все остальные уборщицы...

– А почему бы не предположить, что суть вовсе не в том, что видела Чижова? – прищурившись, спросил Кряжимский. – Может быть, суть в том, что кто-то видел ее?

Мы все переглянулись. В этом что-то было.

– Кто-то видел ее и напугался настолько, – задумчиво проговорила я, – что даже дал распоряжение убить... Почему?

– Вы меня спрашиваете? – вежливо поинтересовался Кряжимский. – К сожалению, у меня нет даже предположений на этот счет.

– Я понимаю, – озабоченно подхватила я. – Но ведь и в казино вряд ли нам ответят на этот вопрос. И, тем не менее, его нужно задать! Кто-то из нас должен встретиться с руководством этого заведения. Ведь решения о приеме и увольнении принимает руководство, как я понимаю. Кого направим в казино?

– Лучше всего сделать это вам самой, Ольга Юрьевна, – с убеждением заявил Кряжимский. – Из нас вы, несомненно, более всего соответствуете тому уровню, на который ориентируется современная элита, – вы молоды, обаятельны, обладаете тонким вкусом и, как-никак, занимаете ответственный пост. К вам непременно должны отнестись со вниманием. Если пойдет Виктор или такой старый перечник, как я, разговора скорее всего не получится.

– Ну, после такой характеристики у меня, конечно, просто выбора не остается! – с улыбкой заметила я. – Отправляюсь туда немедленно!

– А я тем временем наведу, пожалуй, в администрацию города, – продолжил Кряжимский. – В тот отдел, который курирует увеселительные заведения. Постараюсь раздобыть информацию о хозяевах «Колеса фортуны». Не помешает знать, кем и при каких обстоятельствах оно запущено. Вы одобряете, Ольга Юрьевна?

– На сто процентов, – сказала я. – Вот только раздумываю, какое задание поручить Виктору... Может быть, взять его с собой – пусть попробует сделать несколько снимков. Нам не помешало бы иметь фотографии внутренних помещений казино и тех, кто там работает...

Виктор предостерегающе поднял руку.

– Возражаешь? – спросила я. – Тогда можно поступить по-другому. Мы можем получить фотографии всех, кто работает в казино, если устроим наблюдательный пункт в доме напротив. Ты бы засел там с телеобъективом, скажем, на сутки и перешелкал всех, кто входит в здание...

На сей раз Виктор кивнул утвердительно.

– Вот и решили, – заметила я. – К тому же Чижовы сегодня собираются вернуться домой и, наверное, не будут возражать, если рядом с ними будет мужчина. Единственное неудобство

– окна их квартиры выходят во двор. Но Чижова в хороших отношениях с соседями. Можно будет договориться, что ты, Виктор, обоснуешься у них. В конце концов, есть же там мужики? Найдете общий язык! Готовь аппаратуру.

Обновив макияж, я отбыла в казино. По роду своей деятельности мне довольно часто приходится бывать в самых неожиданных местах. Среди них казино также не были исключением. Но сегодня я волновалась, потому что «Колесо фортуны» явилось для меня полной загадкой, не лишенной вдобавок некой зловещей окраски. Договариваться предварительно о встрече по телефону я не стала, потому что нет ничего легче, чем уклониться от встречи в телефонном разговоре.

Я доехала до казино на такси. У тротуара стояли черный «Мерседес» и серебристый «Опель». В душе я надеялась, что эти сверкающие автомобили принадлежат руководству заведения и мой визит не окажется напрасным.

За темными стеклами входных дверей не было видно ни зги. Среди бела дня казино казалось погруженным в глубокий торжественный сон, который не рекомендовалось тревожить. Однако я нашла кнопку звонка и, не раздумывая, нажала на нее. Дверь открылась почти мгновенно. Передо мной возник очень высокий, уверенный и очень сдержанный мужчина в прекрасном костюме и ослепительно белой рубашке. Он поздоровался первым, но не торопился пропускать меня внутрь. Вместо этого он вежливо осведомился, чего я хочу.

Я показала ему свое удостоверение и выразила надежду, что мне удастся побеседовать с хозяином заведения,

– Вы договаривались с Анатолием Николаевичем? – уточнил охранник, внимательно глядя мне в глаза.

Я не стала врать, но пустила в ход одну из самых обаятельных своих улыбок.

– По правде сказать, нет, – ответила я. – Но много времени я у него не отниму. Вы разрешите мне войти?

Молодой человек держался неколебимо.

– У нас не принято пускать посторонних без предварительной договоренности, – с сожалением произнес охранник. – Но я попробую узнать – может быть, Анатолий Николаевич вас примет... вы можете подождать в вестибюле...

Он все-таки пустил меня внутрь и даже усадил в одно из кресел, стоявших вдоль отделанной розоватым мрамором стены. Потом он удалился в глубину помещения, а я получила возможность осмотреться.

Итак, начиналось все с мрамора и зеркал. Выглядело солидно и чем-то напоминало театр. Впечатление усиливалось тем, что здесь имелась также вешалка за полированной стойкой, а двери во внутренние помещения были задрапированы тяжелой, отливающей металлическим блеском тканью. У дальней стены медленно прогуливался еще один молодой человек в строгом костюме, из кармана которого выглядывала трубка мобильного телефона. На меня он как будто не обращал внимания, но было абсолютно ясно, что любая моя попытка проникнуть дальше вестибюля будет пресечена вежливо, но решительно. Оставалось терпеливо ждать, как решит мою судьбу неведомый Анатолий Николаевич.

Надо отдать охраннику должное. Показывая рукой на дверь, из которой только что появился, он прошел вперед. Я последовала за ним и оказалась в изысканно-мрачном коридоре, стены которого были обиты темно-зеленой тканью и украшены бронзовыми светильниками. Толстый ковер на полу абсолютно скрадывал шаги. Не знаю почему, но я не могла представить Татьяну Петровну Чижову в этой обстановке. Возможно, она действительно попросту не справилась со всеми этими коврами и бронзовыми завитушками?

Охранник довел меня до конца коридора и заглянул за высокую резную дверь. Тут же, обернувшись ко мне, он распахнул дверь во всю ширь и сказал:

– Прошу вас, проходите!

Я прошла. И чуть не ослепла от яркого света. Контраст с полумраком коридора был разительный. Как раз напротив входа в комнату располагалось широкое, пылающее ярким солнцем окно, и я видела лишь силуэт хозяина кабинета, сидевшего за большим столом, в то время как сама наверняка являлась прекрасным объектом наблюдения. Я поздоровалась с силуэтом и только тут заметила стоящего несколько в стороне еще одного мужчину средних лет, тщательно постриженного и хорошо одетого, с завидной осанкой и непререкаемо строгим выражением лица. Мне знаком такой тип мужчин: вся их жизнь подчинена строгой регламентации, и навязывать им правила игры – абсолютно бесполезное дело. В частности, не срабатывают никакие женские уловки и чары. Такие мужчины никогда не руководствуются инстинктами, а лишь холодным расчетом. Должна признаться, что вся моя женская сущность восстает против таких мужчин, но, к сожалению, наш мир устроен далеко не лучшим образом.

Именно этот мужчина предложил мне кресло, но сделал это с таким достоинством, что у меня сложилось ясное впечатление – приглашая меня сесть, мне делают величайшее одолжение. В таком положении трудно чувствовать себя уверенно, а тем более задавать каверзные вопросы, и мне стоило некоторых усилий напомнить себе, что я явилась сюда в качестве дерзкого и бесцеремонного папарацци.

Однако глаза мои уже привыкли к свету, и, усевшись напротив хозяина кабинета, я смогла в подробностях рассмотреть и его. Осмотр меня разочаровал. Сразу двое мужчин одного типа – это, пожалуй, уже слишком.

Глядя в холодные глаза хозяина, я отрекомендовалась:

– Ольга Юрьевна Бойкова, главный редактор газеты «Свидетель». Надеюсь, я разговариваю с владельцем заведения?

Он разомкнул губы.

– Да, вы не ошиблись. Меня зовут Анатолий Николаевич. Мой заместитель, – он дернул подбородком, – Александр Николаевич. Легко запомнить. К сожалению, у меня очень мало времени. Поэтому, если вам нетрудно, изложите, что привело вас к нам. Вообще-то, должен предупредить, мы не нуждаемся в рекламе.

– Мы не занимаемся рекламой, – сказала я. – Наш профиль – криминал.

Анатолий Николаевич улыбнулся безжизненной улыбкой.

– Благодатная тема, – заметил он. – Но чем мы можем вам помочь?

– Мы сейчас заняты расследованием одного грязного дела, – решительно сообщила я. – В связи с этим я хотела бы задать вопрос о женщине, которая у вас работала...

Анатолий Николаевич чуть поднял брови и переглянулся со своим заместителем.

– Наверное, это ошибка, – сказал он. – У нас в штате нет женщин. И никогда не было. Мы исходим из принципа, что игорный бизнес – это чисто мужское дело.

– Я имею в виду подсобный персонал, – объяснила я. – Уборщицу, которую вы уволили после единственного выхода на работу...

Владелец казино посмотрел мимо меня на своего помощника. К сожалению, я не могла обернуться, чтобы проследить за реакцией Александра Николаевича. Но взгляд хозяина оказался мне достаточно многозначительным. Однако голос его прозвучал совершенно равнодушно.

– Я вас понял, – сказал он. – Александр Николаевич даст вам необходимые объяснения. Лично я не занимаюсь подсобным персоналом. Если у вас больше нет ко мне вопросов, тогда извините... Я очень занят.

Тут же надо мной недвусмысленно нависла фигура Александра Николаевича. Поняв намек, я поднялась.

– Благодарю вас, – сказала я с милой улыбкой. – До свидания.

Анатолий Николаевич коротко кивнул и демонстративно отвернулся к окну. Я вышла из кабинета, чувствуя за спиной дыхание застегнутого на все пуговицы заместителя. В коридоре, обернувшись к нему, я спросила:

– Где мы сможем поговорить, Александр Николаевич?

Не дрогнув ни единым мускулом, он сдержанно сказал:

– В этом нет необходимости. Интересующий вас вопрос в компетенции нашего распорядителя. Он все вам объяснит. Прошу в эту дверь!

Он предупредительно распахнул передо мной какую-то дверь, и мы оказались в большом зале, задрапированном темной тканью. Здесь стояли игорные столы, покрытые зеленым сукном, а в углу располагался бар, сверкающий никелем и хрусталем. Возле бара толпилось несколько молодых людей в дорогих костюмах. Александр Николаевич властно махнул рукой.

– Виталий, подойди к нам! – сказал он строго.

От стойки бара отделился широкоплечий светловолосый парень в голубой рубашке и черных наглаженных брюках. На шее его красовалась золотая цепочка. Приблизившись, он оценивающе посмотрел на меня и преданно уставился на заместителя. У него было смышенное самоуверенное лицо и светлые нагловатые глаза.

– Вот тут, Виталий, пресса интересуется, – сказал Александр Николаевич, значительно понижая голос. – Кого мы принимали из уборщиц, а потом сразу уволили?

– Ее фамилия Чижова, – подсказала я.

– Была такая? – спросил Александр Николаевич. – Значит, все объяснишь и проводишь. А я с вами прощаюсь, извините.

Я почувствовала себя футбольным мячом, который отпасовывают из стороны в сторону, чтобы в итоге выбить за боковой. Александр Николаевич, посчитав свою миссию исчерпанной, тут же испарился, и я осталась один на один с деловым молодым человеком, который беззастенчиво разглядывал меня холодными светлыми глазами.

– Из какой вы газеты? – небрежно спросил он.

– Из «Свидетеля», – ответила я. – Вы помните Чижову?

– Вы имеете в виду уборщицу? – усмехнулся Виталий. – Да, что-то припоминаю. Но не уверен, что запомнил ее фамилию. А почему она вас интересует?

Я решила быть понахальней.

– Кажется, это вам было дано задание все объяснить, – напомнила я. – Вы все тут чрезвычайно заняты, поэтому давайте ближе к делу.

– А чего тут объяснять? – неприязненно сказал Виталий. – Приняли какую-то женщину. Она нам не подошла. Мы попросили ее освободить место.

– Что значит «не подошла»?

– Она плохо выполняла свою работу. У нас высокие требования.

– А вы не могли бы уточнить, в чем выражалось плохое выполнение работы?

Мой собеседник презрительно поморщился.

– А что, собственно, случилось, мадам? – спросил он раздраженно. – В вашу газету поступила жалоба? Но вы учтите, у нас тут нет профсоюза, и мы не благотворительная организация, бездельников мы не держим, даже если им очень хочется кушать!

– Дело не в жалобе, – ответила я. – Просто мне интересно, что за хитрость в уборке ваших помещений, если не каждый может с этим справиться?

Виталий оскалил в улыбке идеально белые зубы.

– А вы попробуйте! – предложил он, нахально глядя мне в глаза.

– Воздержусь, – ответила я. – Не за тем сюда пришла.

– Понятно! Еще есть вопросы?

Он явно торопился меня выпроводить. Я достала из сумочки фотографию покойного.

– Вы случайно не знаете этого человека? – невинно спросила я, протягивая снимок Виталию. Он нехотя взглянул, и, могу поклясться, настроение у него моментально испортилось. Он даже не взял фотографию в руки, а лицо у него сделалось напряженным, как у человека, который с минуты на минуту ожидает какого-то неприятного гостя.

– Никогда не видел! – отрезал Виталий, глядя поверх моей головы. – Кто это?

– Не знаю, – спокойно ответила я, пряча фотографию в сумочку. – Думала, вы знаете...

Виталий сделался совершенно официальным. Вся небрежность и снисходительность в его поведении исчезли. Он холодно сказал:

– Если не возражаете, я бы хотел заняться своими делами. У вас нет больше вопросов?

– Вопросов у меня полно, – весело сказала я. – Но, кажется, у вас туго с ответами...

У Виталия слегка дернулась щека.

– Я дал вам исчерпывающую информацию, – категорически заявил он.

– В самом деле? – удивилась я. – Тогда большое вам спасибо. Пожалуй, я пойду.

– Я провожу вас, – заметно оживляясь, сказал Виталий.

Он поспешно направился к дверям, беспрестанно оглядываясь, – видимо, опасался, что я потеряюсь по дороге. Мы вышли в отделанный мрамором вестибюль, где степенно прогуливались уже знакомые охранники. Виталий отпер входную дверь и с поклоном распахнул ее передо мной.

– Заходите к нам лучше вечером, – сказал он с прежними интонациями. – Вечером здесь гораздо веселее. Отдохнете, расслабитесь...

– Непременно загляну как-нибудь, – пообещала я, улыбаясь в ответ на его ухмылку.

Застекленная дверь с треском захлопнулась за мной.

Глава 6

– Итак, что мы имеем по казино «Колесо фортуны»? – объявил Кряжимский, раскрывая свою записную книжку и водя пальцем по строчкам. – Выяснить удалось немного... Хозяин казино Анатолий Николаевич Коровин. В нашем городе он недавно, всего год. До последнего времени владел залом игровых автоматов в универмаге «Северный». Видимо, конфликтов с администрацией не имел, налоги платит исправно. В приватной беседе мне сообщили, что Коровин – человек жесткий, но щедрый, никогда не отказывает в помощи, если к нему обращаются, например, инвалиды, какие-то детские организации...

– Интересно, он никогда не помогал детскому дому? – задумчиво проговорила я.

– Что? – удивился Кряжимский. – Э-э... К сожалению, подробности мне неизвестны... А почему вас это интересует?

– Просто мне хочется призвать нашу редакцию вспомнить о детском доме, – сказала я. – Кто-нибудь из вас бывал там? Двести детей без родительской заботы! Это что-нибудь вам говорит? Раз уж судьба свела нас, мне будет стыдно, если мы не порадуем этих детишек хоть какой-то мелочью! Предлагаю всем скинуться и сделать детскому дому подарок!

– Это мысль! – лаконично отозвался Виктор.

Меня поддержали и остальные, но Кряжимский, как всегда, внес уточнения.

– Безусловно, я тоже – «за», – сказал он. – Но предлагаю пока не отвлекаться и закончить наше расследование. Никаких реальных нитей у нас в руках пока нет, и мы не знаем, миновала ли опасность.

– Вы правы, Сергей Иванович, – согласилась я. – Просто эта мысль постоянно беспокоит меня, и я решила наконец изложить ее. Прошу вас, продолжайте!

Кряжимский опять заглянул в свою книжечку.

– Работают с ним те же люди, что и год назад, – сказал он. – Как мне намекнули, коллектив у Коровина весьма своеобразный. Головорезы не головорезы, но многие из них в свое время имели неприятности с правоохранительными органами. Обычный набор – рэкет, ношение оружия, мелкое хулиганство. Правда, до суда дело не доходило, так что формально все чисто перед законом... Ну, вот, пожалуй, и все...

– Любопытно, откуда этот Коровин приехал в наш город? – поинтересовалась я. – Случайно не из Нижнего Новгорода?

Кряжимский развел руками.

– Увы, на этот счет у меня никаких сведений не имеется, Ольга Юрьевна! – сказал он.

– Ну что ж, тем не менее, вы узнали гораздо больше меня, – сказала я. – Мое посещение казино закончилось практически ничем. Меня выставили быстрее, чем карточного шулера. И мне ровным счетом ничего не сказали. Единственная положительная сторона – теперь я еще больше убедилась, что с казино что-то нечисто. Уж слишком старательно они подчеркивали свое нежелание разговаривать со мной. Виктор, а у тебя все готово?

Утвердительный ответ фотографа-телохранителя был выражен, как всегда, без слов.

– Тогда сегодня вечером приступай. А я, пожалуй, сажусь за руль своей «Лады» и отправляюсь в Нижний Новгород, – ошарашила я всех. – Если Чижова будет под присмотром Виктора, я постараюсь разработать версию с мужем. Пока я этого не сделаю, покоя мне не будет. Нужно окончательно убедиться, что за этой историей десятилетней давности ничего не стоит. Тогда мы сможем полностью сосредоточиться на казино... Я надеюсь обернуться за сутки. К тому времени наверняка что-то прояснится с убитым, да снимки будут у нас в руках... Только сначала было бы неплохо представить тебя Чижовой, – сказала я Виктору. – Меня она знает лучше. Сейчас я отправляюсь домой, потом заскочу на станцию техобслуживания, чтобы про-

верить машину, а часам к пяти заеду за тобой и отвезу к Чижовой. На время моего отсутствия за главного остается, естественно, Сергей Иванович.

Далее я, не теряя времени, поехала домой и занялась машиной. Вообще-то я была спокойна за свою «Ладу», но, так как пробег предстоял все-таки немалый, стоило обратиться к специалистам. На станции техобслуживания у меня был знакомый механик, которому я полностью доверяла.

Проверив машину, он заверил меня, что я могу рискнуть поехать теперь не только в Нижний, но и в Великий Новгород, если, конечно, залью в бак хотя бы немного бензина. Я выполнила его совет на ближайшей автозаправке и снова поехала в редакцию.

Виктор погрузил в машину аппаратуру, я дала последнее распоряжение Кряжимскому, и мы отбыли на Перспективную улицу. По моим расчетам, Чижова уже должна была вернуться домой.

Возле казино машин заметно прибавилось – видимо, там уже начиналось веселье. Было бы любопытно взглянуть на лица хозяев, если бы они узнали о наших планах. Кстати, не следовало исключать этой возможности, поэтому, когда мы въехали во двор, я попросила Виктора внимательно присмотреться – не маячит ли поблизости преемник покойного киллера.

Не выходя из машины, мы понаблюдали за тем, что происходит во дворе. Несколько мирных старушек беседовали на скамеечке около подъездов. По дорожкам носились чумазные ребяташки. Никаких подозрительных личностей в поле зрения не обнаруживалось. Зато в глубине двора я заметила троих юношей, двое из которых были мне несомненно знакомы.

Один из них, плотный парнишка в белой футболке, с повязкой на правой руке, был, конечно, Игорь Чижев. Второй, высокий, большеносый, в синем спортивном костюме и бейсболке, был мне не знаком. Зато третьим был не кто иной, как наш курьер Ромка!

Строго говоря, как несовершеннолетний, Ромка имел право на сокращенный рабочий день, и по этой причине давно уже исчез из редакции. Но кто мог подумать, что направится он туда, куда ему появляться было не рекомендовано? С этим следовало немедленно разобраться.

– Посиди пока в машине, – попросила я Виктора. – Совсем необязательно, чтобы тебя все здесь видели.

Сама же я вышла и решительным шагом приблизилась к подросткам. Они не сразу меня заметили, увлеченные разговором. Мне пришлось громко поздороваться, чтобы обратить на себя внимание.

Отреагировали они по-разному. Игорь узнал меня сразу, но посмотрел враждебно и на приветствие не ответил. Кажется, для него сейчас главным было подчеркнуто демонстрировать независимость. Его долговязый приятель, изображая из себя взрослого, окинул мою фигуру оценивающим взглядом и юношеским баском сказал: «Здравствуйте!»

Ни тот ни другой меня пока не интересовали. Мне было любопытно, как объяснит свое появление здесь Ромка, и я испытующе уставилась на него.

Ромка смутился, но в присутствии ровесников ему не хотелось ударить в грязь лицом, поэтому он сунул руки в карманы и отважно посмотрел мне в лицо.

– Добрый вечер, Ольга Юрьевна! – сказал он, стараясь держаться не менее независимо, чем его новые приятели.

– Может быть, ты объяснишь, что ты тут делаешь? – с вызовом спросила я.

Ромка пожал плечами и ответил дрогнувшим голосом:

– Ничего особенного, вот с ребятами познакомился. Между прочим, в свое личное время, работа тут ни при чем.

– Я понимаю, что ни при чем, – сказала я. – И очень хотела бы надеяться, что она и дальше останется ни при чем. Не забывай, что тебя никто не уполномачивал заниматься служебными делами.

– А я вовсе ими и не занимаюсь, – фальшиво произнес Ромка.

Игорь и парень в бейсболке с любопытством посмотрели на меня.

– Ну-ну, – сказала я и повернулась к Игорю. – Твоя мама дома?

– Дома, – процедил он сквозь зубы.

– А ты не мог бы сейчас подняться с нами? – спросила я. – Нужно поговорить.

– Хорошо, через пять минут приду, – ответил он, глядя в сторону.

Я еще раз взглянула на Ромку – очень выразительно – и пошла обратно к машине. Заметив меня, Виктор выбрался наружу, прихватив с собой сумки. Мы быстро вошли в подъезд и поднялись на пятый этаж.

Чижова, кажется, не ждала нас. Во всяком случае, она немного растерялась. Но, быстро справившись с собой, предложила проходить, с любопытством поглядывая на сумки в руках Виктора.

– Как настроение, Татьяна Петровна? – поинтересовалась я.

– Да какое настроение? – неопределенно ответила Чижова. – Игорь все-таки выписался, настоял на своем. Конечно, я его понимаю – тяжело мальчишке на больничной койке валяться. Как приехали, так он сразу во двор убежал, к друзьям...

– Мы его видели, – сообщила я. – А это вот, знакомьтесь, фотограф наш – Виктор. Помните, я обещала вам что-нибудь придумать? Вот ничего лучшего не придумали, как определить Виктора к вам...

– К нам? – растерялась Чижова. – Понимаете, какое дело...

– Не беспокойтесь, Татьяна Петровна, – деловито вмешалась я. – Виктор вас не стеснит. Даже слова от него не услышите. А вот скажите, соседи ваши – с ними можно договориться?

– Я не понимаю... – нерешительно проговорила Чижова.

– Ну, нормальный мужик какой-нибудь есть, с которым Виктору можно было бы столковаться? Он должен дело одно проверить, да, кстати, и настороже будет, если к вам кто-то опять ломиться начнет. Вы его только представьте...

Чижова настороженно посмотрела на меня и пожала плечами.

– Я, право, не знаю. Столько беспокойства я вам доставляю. А теперь еще и соседи. Ну, Виктор, пойдемте, я поговорю с соседом, он, наверное, не откажет. – Она обернулась ко мне и сказала: – Вы пока располагайтесь, я скоро.

Вместе с Виктором они вышли на лестничную площадку. Я услышала, как они звонят в какую-то квартиру. Потом хлопнула чужая дверь, и все стихло. А еще через несколько минут явился Игорь. Он вошел в комнату, недоуменно оглядываясь.

– А где мать? – спросил он с обычной грубоватостью.

– Сейчас она придет, – сказала я и попросила: – Будь добр, Игорь, взгляни на эту фотографию. Ты узнаешь этого человека? – Я достала из сумочки фотографию убитого.

Игорь недоверчиво протянул руку и поднес снимок к глазам. В следующую секунду он нахмурился и требовательно посмотрел на меня.

– Откуда у вас эта фотография?

– Ты узнаешь этого человека?! – сердито прикрикнула я. Постоянное желание этого мальчишки демонстрировать свою независимость уже начинало меня раздражать.

Игорь сверкнул глазами.

– Это тот гад, который напал на мою мать! – раздраженно ответил он. – Это же ясно! Лучше скажите – вы его здесь видели?

Я отобрала у него фотографию и спрятала в сумочку. Игорь обиженно засопел и посмотрел на меня почти с ненавистью.

– Да, здесь, – спокойно сказала я. – Но ты уверен, что это тот человек?

– Я убью его! – заявил Игорь, выпятив угрожающе нижнюю челюсть.

– Ты опоздал, дружок, – заметила я. – Его уже убили.

Игорь открыл рот и ошеломленно уставился на меня. – Убили? – недоверчиво повторил он. – Кто?!

– Наверное, те люди, которые его сюда прислали, – сказала я.

– Что-то я вас не понимаю, – угрюмо проговорил Игорь. – Кто такие эти люди?

– В этом мы и пытаемся разобраться, дружок, – ответила я. – Поэтому тебе прямой резон помогать нам, а не изображать из себя трудного подростка. Тебе никто не говорил, что с тобой невозможно найти общий язык?

Он не ответил, а только глядел на меня исподлобья не слишком обнадеживающим взглядом.

– Ты парнишка физически сильный, – продолжала я. – И, насколько я понимаю, достаточно смелый. Но, боюсь, этих двух качеств будет недостаточно. Те, кому понадобилась смерть твоей матери, тоже не слабаки. А кроме того, они держатся в тени и не торопятся себя обнаруживать...

– Кому может понадобиться смерть моей матери? – хмуро спросил Игорь, и в глубине его глаз мелькнула почти детская обида.

– Пока у нас нет ни одной ясной версии, – сказала я. – Поскольку ты в этом деле не посторонний, я скажу тебе, в каком направлении мы работаем. Только ты должен дать слово, что не будешь ни во что вмешиваться.

– Я не буду вмешиваться в ваши дела, – поправил меня Игорь. – Но если меня будут брать за глотку, я обязательно буду вмешиваться!

– Я говорю не об этом! У всех мальчишек появляется искушение поиграть в сыщиков, и это меня беспокоит... Что здесь, например, делает наш курьер Ромка?

– Ваш курьер? – переспросил Игорь. – Ах, этот! Откуда я знаю, что он здесь делает? Спросите у него сами!

– Мне даже и спрашивать ничего не нужно, – сказала я. – Он наверняка разыгрывает из себя Шерлока Холмса. У меня большая просьба – не идите у него на поводу!

Игорь высокомерно усмехнулся, но ничего не сказал.

– Расцениваю твоё молчание как знак согласия, – заключила я. – И прошу тебя ответить на один вопрос, который, может быть, тебе неприятен. Но я задаю его не из праздного любопытства – что ты помнишь о своём отце?

Взгляд Игоря опять сделался враждебным. Он хотел сказать что-то резкое, но сдержался.

– Да ничего я не помню! – буркнул он. – А что вы хотите, чтобы я помнил? У матери с отцом были свои разборки, меня в них не посвящали.

– Я понимаю, – мягко сказала я. – Просто мне хотелось узнать, каким ты запомнил отца. Он был злым человеком, вспыльчивым, может быть, сильно пил? Что-то ты должен был запомнить...

Игорь отвернулся в сторону и нехотя произнес:

– Да не был он никаким злым. Наоборот, он, по-моему, был очень мягким и нерешительным человеком... И пьяным я его не помню... А вообще, не знаю, все это было очень давно, как будто во сне, – я могу и ошибаться.

– А как расстались мать с отцом, это ты помнишь? – спросила я.

– Тихо расстались, – сказал Игорь. – Мы просто уехали. Сели на поезд и уехали. Кажется, первое время я скучал по отцу, спрашивал... А потом тут школа началась, то-се, я и привык... А вы что – вообразили, что это отец строит козни? – он криво усмехнулся. – Это чепуха! Я вообще-то думал, что мать просто ограбить хотели... Но раз этот гад здесь опять появлялся, значит, все не так просто. Только насчет отца – это глупость!

– У нас есть и другая версия, – хладнокровно заметила я. – Правда, такая же расплывчатая. Что ты знаешь про казино, которое находится напротив вашего дома?

Лицо Игоря сделалось изумленным.

– Ну и заявочки у вас! – сказал он уничтожающим тоном. – Казино-то при чем? Для этих типов, которые там собираются, мы вообще – так, мусор! Они нас и не замечают! Если хотите знать, мать к ним на работу устраивалась, уборщицей, – один день проработала, и они ее выставили! Не подошла она им! А вы хотите сказать, что они киллеров наняли, чтобы нас угрохать? Ботва это!

– Во-первых, не вас, – строго заметила я. – Нападали на твою мать. В чем дело, я и сама не понимаю. Поэтому прошу тебя: если заметишь что-то, связанное с казино, сразу сообщи нам в редакцию! Договорились?

– В казино меня никто не пустит, – возразил Игорь. – А сквозь стену я видеть не умею. Выходит, и сообщать мне будет не о чем. Вы это хотели сказать?

– Ты не совсем прав, – сказала я. – У тебя сейчас много свободного времени. В казино тебе ходить, конечно, не надо, а вот что происходит рядом, ты вполне можешь наблюдать... Только, пожалуйста, не предпринимай никаких действий!

Игорь скептически хмыкнул и пожал плечами.

– Ладно, разберемся, – сказал он. – А куда мать-то ушла?

– К соседям, – ответила я. – Мы хотим оставить здесь на ночь нашего сотрудника. Есть одна задумка – хотим сделать несколько фотографий... Но вот, кстати, и твоя мама, кажется...

Мы услышали, как хлопнула входная дверь. В комнату вошли Татьяна Петровна и Виктор. Вид у него был довольный.

Татьяна Петровна кивнула сыну и доложила:

– Все в порядке, Ольга Юрьевна! С соседом договорились. Мужик компанейский, возражать не стал. Тем более что ваш Виктор молодец, все предусмотрел. Как говорит Жванецкий, «у нас с собой было»...

– Вот и славно, – сказала я Виктору. – Тогда забирай аппаратуру и передислоцируйся к нему... А вы, Татьяна Петровна, если, не дай бог, ночью вас кто потревожит – стучите в стену, не стесняйтесь – Виктор тут же будет!

Фотограф-телохранитель молча собрал свои сумки и двинулся к выходу.

– Ну что ж, я, пожалуй, тоже пойду, – сказала я. – Спокойной вам ночи.

Хозяйка попрощалась со мной несколько машинально – на ее усталом лице ничего не отражалось, – по-моему, ей сейчас хотелось одного: как следует выспаться. Игорь смотрел с большим любопытством на Виктора, – кажется, наш фотограф произвел на него впечатление. У меня создалось ощущение, что ему хочется о чем-то спросить Виктора, но он сдержался и только вежливо проводил нас до дверей.

На лестничной площадке мы с Виктором расстались, пожелав друг другу удачи. Он скрылся за соседней дверью, причем, как мне показалось, хозяин квартиры принял его с большим энтузиазмом, а я спустилась во двор.

Ни нашего Ромки, ни долговязого парнишки в бейсболке во дворе уже не было. Разошлись они или просто пережидали где-то, пока я исчезну, выяснять было некогда. Я села в машину и отправилась в дальний путь.

Глава 7

Механик меня не обманул: ранним утром я была уже в Нижнем Новгороде. «Лада» выдержала экзамен на отлично, чего нельзя было сказать обо мне. Усталость давала себя знать. Мне требовался или хороший отдых, или чашка хорошего кофе. Но, увы, Марина была далеко, а кофе, которым меня угостили в местной кофейне, был весьма далек от идеала.

Однако выбирать не приходилось. В мои планы не входило задерживаться здесь дольше одного дня, поэтому, позавтракав, я немедленно взялась за дело.

Я потратила уйму времени, довольно приличную сумму в адресном столе и в конечном счете добилась своего. У меня в руках был адрес Чижова Петра Алексеевича, шестьдесят первого года рождения. Полной уверенности, что время и деньги не выброшены на ветер, у меня, конечно, не было. Это мог оказаться совсем другой Чижев. Он мог быть в отъезде – в командировке или, например, в отпуске. Он мог просто не захотеть со мной разговаривать. Я решила проверить это немедленно.

Жил Чижев на улице Горького, совсем недалеко от центра города, и найти его дом не составило труда. Это была довольно новая девятиэтажка, по-видимому, с квартирами улучшенной планировки. Я оставила машину возле тротуара и пошла разыскивать Чижова.

Квартира, указанная в справке, находилась на четвертом этаже. Поднявшись на лифте, я позвонила в дверь. Никакого специального плана предстоящего разговора у меня не было. Я решила целиком положиться на женскую интуицию. Если этот Чижев действительно тот Чижев и если он на самом деле такое ничтожество, как говорит Татьяна Петровна, мне будет несложно заставить его ответить на личные вопросы.

По крайней мере, квартира не пустовала – из-за двери явственно доносилась музыка. Это было что-то жизнерадостно однообразное, громкое и бессмысленное, что-то вроде «ты целуй меня везде, я ведь взрослая уже». Вряд ли сам Петр Алексеевич стал бы слушать такую музыку, но кто-то живой в квартире несомненно был.

После моих настойчивых звонков музыка внезапно смолкла, и послышался приближающийся звук торопливых шагов. Дверь распахнулась, и на пороге возникла совсем юная девушка лет четырнадцати – с короткими светлыми волосами, в маечке, открывающей идеально розовый пупок, и в белых лоснящихся брючках, обтягивающих еще неокрепшие ягодицы. Девушка что-то жевала, глядя на меня безмятежными голубыми глазами. Пожалуй, если дать волю фантазии, в ее чертах можно было обнаружить отдаленное сходство с Игорем Чижовым.

– Здравствуйте! – сказала я.

Девушка кивнула, убрала жвачку за щеку и доверительно сказала:

– Классно! А я думала – это Танька пришла!

– Нет, скорее Ольга, – невозмутимо ответила я. – Скажи, пожалуйста, Чижев Петр Алексеевич здесь живет?

– Ага, здесь. Вам он нужен? Так его нет дома. Он на работе, придет в шесть.

– Вот как? – озадаченно произнесла я. – А где он работает, милая?

– А там, в кремле, – махнула рукой девушка. – Забыла, как это называется. Короче, в комитете по какой-то фигне...

– В кремле? – растерялась я. Правда, тут же вспомнив, что в Нижнем Новгороде есть свой кремль, я успокоилась и спросила. – Ты, наверное, его дочь?

– Ага, дочь, – подтвердила девушка. – Старшая.

– Ну, вот, старшая, а где работает отец – не знаешь, – укоризненно сказала я. Девушка упрямо взмахнула светлой челкой.

– Подумаешь! – сказала она беспечно. – Больно мне надо! Да он там и работает недавно – не успела запомнить...

Неожиданно мне в голову пришла удачная мысль.

– А у тебя случайно нет его служебного телефона? – спросила я дочку.

– Ага, есть, – все так же беспечно сказала она. – Правда, отец не велел звонить ему без крайней необходимости... Да на фиг кому нужно ему звонить!

– Вот мне нужно, – серьезно произнесла я.

– Звоните, – просто сказала девушка, приглашая меня в прихожую. – Вот телефон, а вот тут, – она открыла телефонный справочник, лежавший на тумбочке, – номер записан.

Я набрала ряд цифр, записанных карандашом на внутренней стороне обложки, и приготовилась говорить. В трубке щелкнуло, и мужской, крайне сердитый голос произнес с раздражением:

– ...за первый квартал, за первый, а не за второй! Сколько можно объяснять? И скажи Дубинкину, чтобы немедленно подготовил выборку! Что? Какая командировка? Вот он пускай сначала представит мне, что положено... Алло, комитет по сельскому строительству!

До меня дошло, что последняя фраза предназначена уже мне, и я после некоторой запинки попросила:

– Здравствуйте, позовите, пожалуйста, к телефону Чижова Петра Алексеевича!

– Чижова? – недоуменно повторил сердитый голос и тут же провозгласил в пустоту невидимого мне помещения. – Кто видел Чижова? Где он вообще? – Не получив, видимо, вразумительного ответа, голос опять обратился ко мне: – Не могу я позвать Чижова! А кто его вообще спрашивает?

– Его спрашивает Бойкова, – строго сказала я. – Ольга Юрьевна.

– Бойкова... Бойкова... – озадаченно закуковал мой собеседник, напрягая память. – Из архива, что ли? Ну, нет его, вашего Чижова!.. А, вот он появился! Ты где вообще ходишь, Чижов?! Тут тебя из архива спрашивают, весь телефон уже оборвали! А ты где-то ходишь! Нужно объяснять, что такое рабочая дисциплина?

Мне было слышно, как Чижов что-то сконфуженно бормочет, пытаюсь объяснить свое отсутствие. Настроение у меня ушло – кажется, в этом комитете были совсем строгие порядки, – вряд ли в таких условиях мне удастся побеседовать с Чижовым спокойно.

Однако суровый начальник все же допустил Петра Алексеевича к трубке. Через минуту я услышала его осторожное дыхание и преувеличенно бодрый голос:

– Алло, Чижов слушает!

– Здравствуйте, Петр Алексеевич! – сказала я. – Меня зовут Ольга Юрьевна. Вы меня не знаете, но мне крайне необходимо с вами побеседовать.

– Побеседовать? – деловито переспросил Чижов. – А по какому вопросу?

– По личному, – ответила я.

Чижов, кажется, растерялся. Он немного помолчал, потом спросил недоверчиво:

– Простите, это из архива звонят?

– Нет, Петр Алексеевич, не из архива, – сказала я. – Строго говоря, я вообще из другого города...

– Что-то я ничего не пойму, – начал потихоньку кипятиться Чижов, видимо, чувствуя себя неуютно под испепеляющим взглядом шефа. – Объясните все толком, я очень занят!

– Мне нужно обсудить один важный вопрос, – монотонно проговорила я. – Он касается вашей личной жизни. Когда мы сможем увидеться? – Мне не хотелось объяснять всего при дочери Чижова, которая всю таращила на меня голубые глаза и слушала в оба уха.

– Повторите, как вас зовут... – вдруг беспомощным голосом произнес Чижов. – Я не совсем понял...

– Меня зовут Бойкова Ольга Юрьевна, – сказала я терпеливо. – Но, повторяю, меня вы не знаете. Я из города Тарасова. А вот имя Татьяна Петровна вам что-нибудь говорит?

Пауза в трубке теперь сделалась невыносимо долгой. Потом послышалось совершенно смятенное беканье и меканье, из которого с трудом удалось выхватить несколько более-менее осмысленных слов:

– Да... конечно... только сейчас я не могу... Может быть, вы подойдете в обед?..

– Хорошо! – решительно перебила я. – В обед – это когда? И куда мне подойти?

– Обед? Э-э... В час! В час я буду ждать вас в садике напротив ворот... Это на площади Минина и Пожарского...

– Как я вас узнаю? – спросила я.

– Меня? Э-э... Ну, допустим, у меня будет газета... «Футбол», ладно? – тут он вдруг сказал преданно-виноватым голосом: – Заканчиваю, Иван Тимофеевич! Какая-то дальняя родственница, хе-хе...

– Ладно, в час я вас найду! – пришла я ему на помощь и повесила трубку.

Голубоглазая девица безмятежно пялилась на меня, перекаывая во рту жвачку.

– Твой папа, похоже, очень добрый человек? – спросила я.

– Когда как, – пожала она плечами. – Ну вообще-то обычно – да, добрый... А вы, значит, из Тарасова приехали? Ну, и как там?

– Жарко, – сказала я и распрощалась.

До часу у меня еще оставалось время, и я покаталась по городу. Какими-то особенностями архитектуры, близостью Волги он слегка напоминал Тарасов, но, пожалуй, различий было гораздо больше. Иначе располагались улицы, иными были достопримечательности, и вообще облик города казался более торжественным и строгим – возможно, за счет древних стен кремля или обрывистых неприступных берегов, на которых располагалась верхняя часть города. Однако здесь тоже всю сверкало солнце, зеленела листва вдоль тротуаров и синела бескрайняя Волга под обрывом. Пожалуй, оживленнее было на воде: я заметила паруса небольших яхт вдалеке от берега, несколько грузовых суденышек и два белоснежных красавца теплохода, бороздящие фарватер. На набережной у причала стояло еще три речных лайнера – туристический сезон был в разгаре.

Обедать мне совсем не хотелось. Я съела порцию мороженого в уличном кафе и наконец поехала на место встречи.

Припарковав машину в маленьком переулке, я пешком дошла до площади и направилась в сквер, расположенный напротив красных стен Нижегородского кремля.

В сквере было довольно много народу, и мне пришлось быть очень внимательной, чтобы не пропустить того, кого я искала. Невольно я ориентировалась на тот гипотетический образ, который описала Татьяна Петровна, – толстый, лысый и апатичный. И еще в руках у него должна быть футбольная газета – Чижова, помнится, тоже упоминала о футболе.

Совершив круг по садику, я увидела одинокого мужчину с газетой в руках, который маялся, то и дело поглядывая на часы, в конце аллеи. Пожалуй, он соответствовал описанию – правда, был не лыс, а скорее лысоват и не слишком уж толст, но вот под определение «апатичный» он никак не подходил. Мужчина заметно нервничал и ни минуты не мог постоять спокойно.

У меня уже не было никаких сомнений, что Чижов – тот самый. Его черты лица напомнили мне Игоря; даже несмотря на разницу в годах, сходство было несомненным.

Я подошла ближе и поздоровалась. Чижов встрепенулся и с некоторым облегчением посмотрел на меня – ожидание мучило его, и мое появление прекратило эти муки.

– Я вам звонила, – сказала я. – Спасибо, что пришли.

Он продолжал нервничать, но при взгляде на меня его глаза заметно умаслились – кажется, Петр Алексеевич был весьма неравнодушен к слабому полу. Не думаю, что в этом плане ему последнее время везло, – уж слишком невыразительно он смотрелся: обрюзгий,

в мешковатой одежде, влажный от пота, с круглым распаренным лицом, на котором словно застыла жалковатая улыбка.

– Да-да, я пришел! – подтвердил он, суетливо жестикулируя. – Никак не мог раньше, понимаете. У нас очень строго насчет дисциплины! А сейчас каждый держится за свое место... Суровые времена, что поделаешь! Однако вы меня сильно удивили... Я, простите, ничего не понимаю. Вы упомянули по телефону имя моей бывшей жены... Что-то случилось? Мы ведь давно расстались, и как-то так вышло, что совсем не поддерживаем отношений... Она не оставила мне даже адреса и даже никогда не требовала алиментов... Наверное, теперь она передумала, да? Вы, наверное, ее адвокат?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.